

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

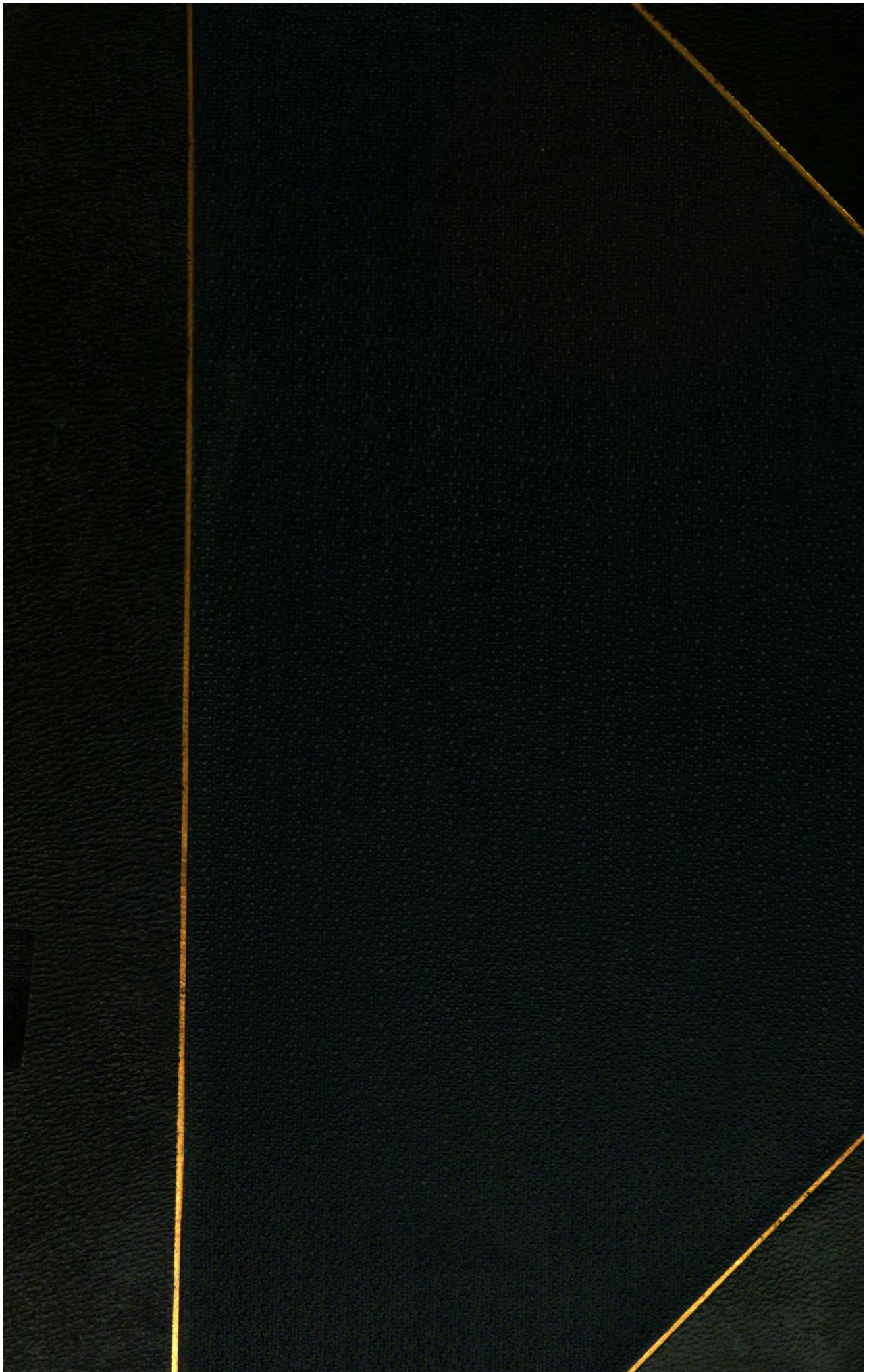
This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

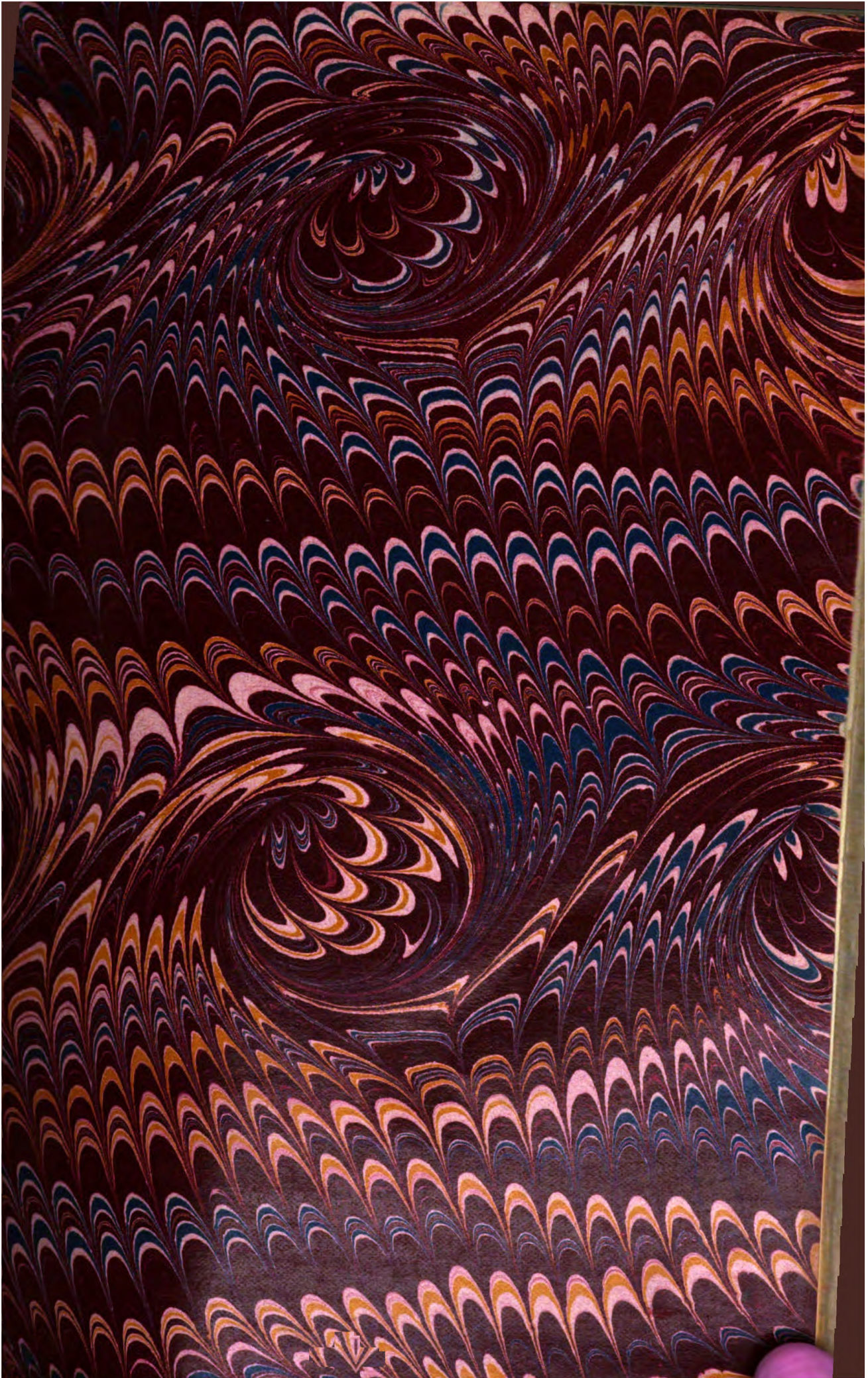
Net.
PG3340. A1.1838 (2)

~~283~~ 2 ~~300~~ D4

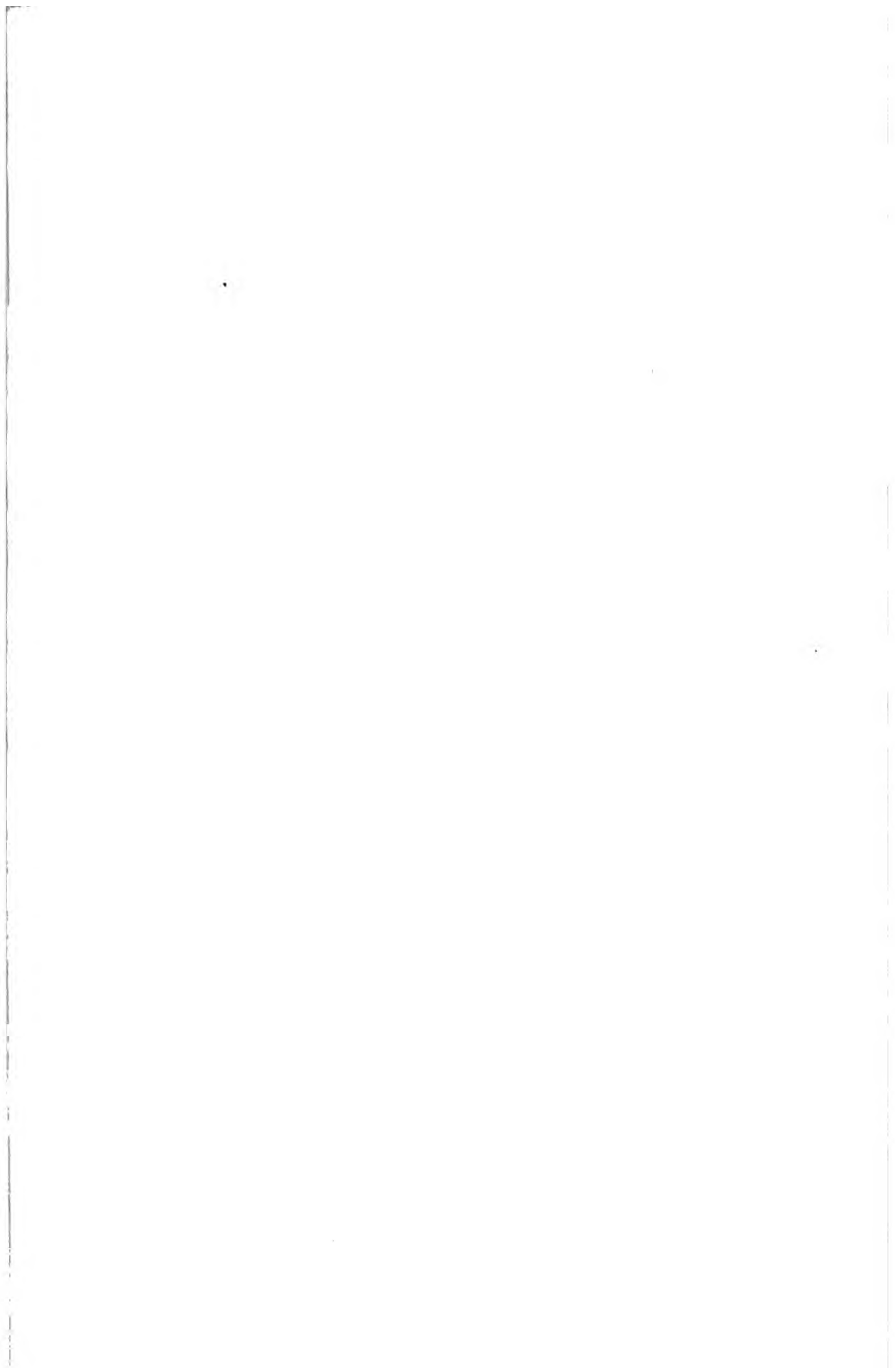

Confined to Library

Presented by Mrs Stallibrass ^{UPROV}

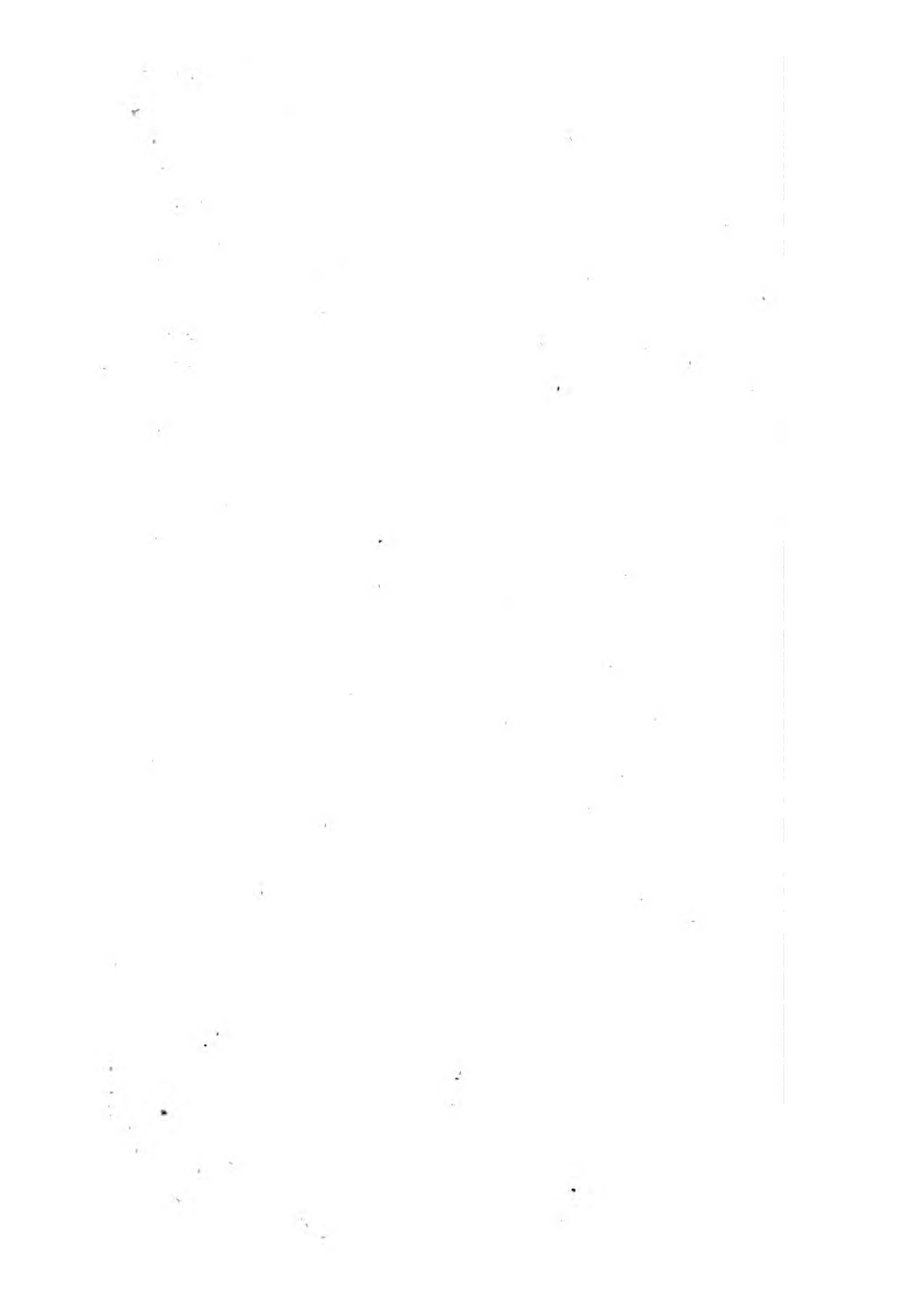

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

II.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

MDCCCXXXVIII.

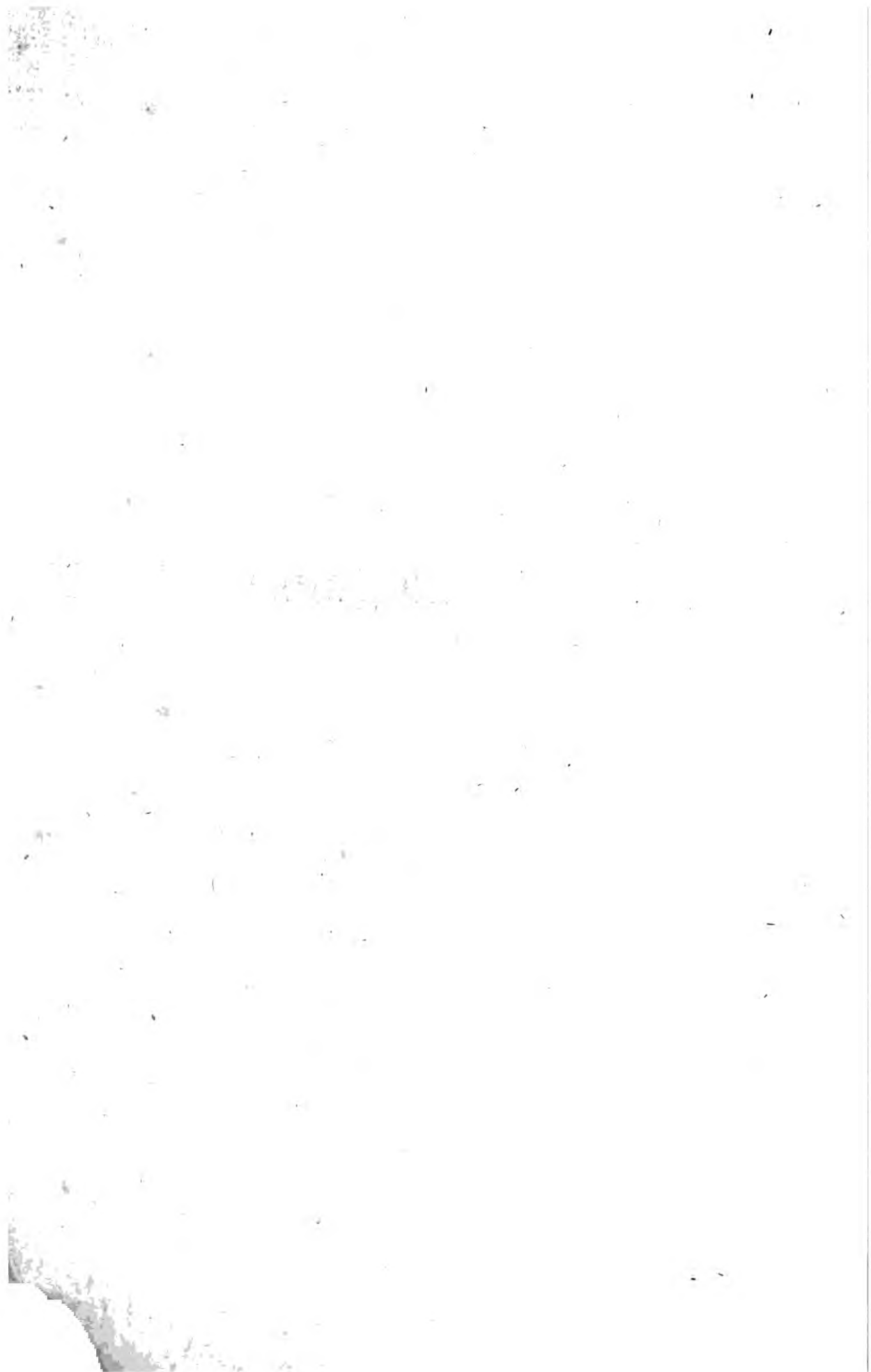
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Котитеть узаконенное число экземпляновъ.
Апрѣля 3 дня 1837 года.

Ценсоръ Никитенко.

ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ.

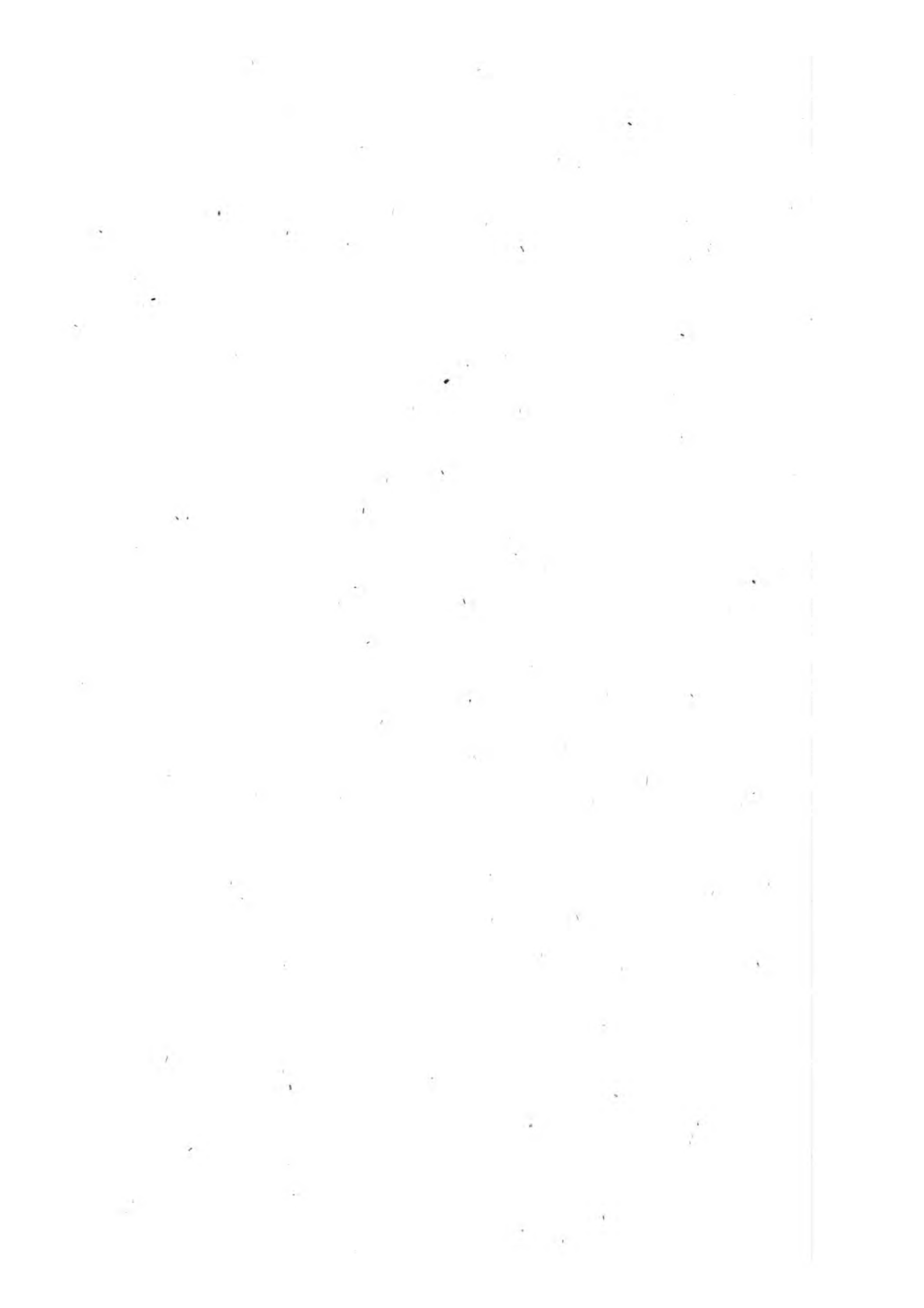

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Времеяъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой!
Ни чихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.*

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ;
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ

Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кащей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ Руской духъ . . . тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту . . .

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно мипувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медь изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье вышивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,

Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чапники носили
И низко кланялись гостямъ.
Смелися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжить гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ;
Всѣ смолкли, слушаютъ баяна:
И славить сладостный пѣвецъ,
Людмилу - прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, ни пить Русланъ влюбленный;
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ
И, щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждая мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна неприятны имъ;
Не слышать вѣщаго баяна,
Потупили смущенный взглядъ:
То три соперника Руслана;

Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой Хазарскій ханъ Ратмиръ:
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ приуныла,
И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгъ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ

Великій Князь благословенъемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли . . . и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милья надежды,
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На Цареградскіе ковры . . .
Вы слышите ль влюбленный шопоть
И поцалуевъ сладкій звукъ
И прерывающійся ропоть
Послѣдней робости? . . . Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ они настали . . . Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклося, все дрожить,
И замерла душа въ Русланѣ . . .
Все смсгло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голось странной,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣ мглы туманной . . .
И снова теремъ пусть и тихъ;
Встаетъ испуганный женихъ,

Съ лица катится потъ остылой;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой . . .
О горе: нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмилы нѣтъ во тмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой.

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно;
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить . . . о друзья,
Конечно лучше бъ умерь я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но что сказалъ Великій Князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распаясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. «Дѣти, други!

«Я помню прежнія заслуги:
«О, сжаьтесь вы надъ старикомъ!
«Скажите, кто изъ васъ согласенъ
«Скакать за дочерью моею?
«Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
«Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
«Не могъ сберечь жены своей! —
«Тому я дамъ ее въ супруги
«Съ полцарствомъ прадедовъ моихъ.
«Кто жъ вызовется, дѣти, други? . . .»
— Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я! воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
Сейчасъ коней своихъ сѣдаемъ;
Мы рады весь изѣздить мѣръ.
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки!
Не бойся: ѣдемъ за Княжной.»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Русланъ унынѣемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ

Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядитъ
Великій Князь въ пустое поле
И думой имъ вослѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И смыслъ и память потерявъ.
Черезъ плечо гляди спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «насилу и
«На волю вырвался, друзья!
«Ну скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
«Ужъ то-то крови будетъ течь,
«Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!
«Повеселись, мой вѣрный мечь,
«Повеселись, мой конь ретивой!»

Хазарскій Ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнить бѣгуна лихаго,

Кружить, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчить — ни слова . . .
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоень онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремлень.

Соперники одной дорогой
Все вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ темень брегъ отлогой;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкъся путь.
«Разѣдемся, пора!» сказали,
«Безвѣстной ввѣримся судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ.

На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра.

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремящія своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ : что-же зрить ?
Въ пещерѣ старецъ ; ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сынъ !»
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану :
«Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну ;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою ;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы ;
Твой твердый духъ теряетъ силы ;
Но зла промчится быстрый мигъ :

На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, въ рою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ: твой оскорбитель
Волшебникъ страшный Черноморь,
Красавицъ давній похититель,
Полночныхъ обладатель горь.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ донинѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей.
Тебѣ сказать не долженъ болѣ:
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ мѣръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ; и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
«Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не трудно разогнать,

Сказалъ старикъ : тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся, знай : она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свиснетъ — задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей.
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянетъ жестокий жребій свой . . .
Но, добрый витязь, день проходить,
А нуженъ для тебя покой.

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится . . .
Напрасно ! Витязь наконецъ :
« Не спится что-то, мой отецъ !
Что дѣлать : боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить.
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.

Прости мнѣ дерзостный вопросъ.
Откройся : кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный ?
Въ пустыню кто тебя занесъ ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ : «любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо сель окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая

На берегу цѣла вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина . . .
Ахъ, витязь, то была Наина !
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ : люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя;
И равнодушно отвѣчала :
Пастухъ, я не люблю тебя !

И все мнѣ дико, мрачно стало :
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныньи сердце сохло, вяло.
И наконецъ задумалъ я
Оставить Финскія поля;
Морей невѣрныхъ пучины
Съ дружиной братской переплыть,

И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцевъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдалъ уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась : цари чужбины
Страшились дерзости моей ;
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало Финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ — и весла зашумѣли;

И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчины дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злато и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣшникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвля съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горестъ, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: въ родинѣ моей
Между пустынныхъ рыбарей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ и самая любовь.

И я, любви искатель жадной,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Нанну чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!

Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша: думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и въ тмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной,
Глазами впальми сверкая,
Старушка дряхлая, сѣдая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой —
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!...
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣнннхъ все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, уже ли небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,

Разстался я съ душой и съ милой? —
Давно ли? . . . «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Былъ дѣвы роковый отвѣтъ:
«Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
«Что дѣлать?» мнѣ пищитъ она,
«Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,

Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочеть мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я стараю,
Томлюсь желаньями любви . . .
Приди въ объятія мои . . .
О милый, милый! умираю . . .»

И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами;
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ — я обмиралъ,
Отъ ужаса, зажмури очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи;
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она вослѣдъ: «о недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наны,
И презираешь — вотъ мужчины!

Измѣной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя вини;
Онъ оболъстилъ меня, несчастной!
Я отдалась любви страстной...
Измѣнникъ, извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мірѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая конечно
Возненавидитъ и тебя;
Но горе на землѣ не вѣчно.»

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Расказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.

Но день блистаетъ лучезарный . . .
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвиснулъ.
«Отецъ мой, не оставь меня.»
И скачетъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ вослѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

—

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани,
И уивайтесь враждой!
Пусть мѣръ предъ вами цѣпенѣтъ,
Дивясь грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣтъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь — только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно!
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою неперемѣнной
Дѣвичье сердце суждено,

Тотъ будетъ миль на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный, —
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязъ пасмурный шепталъ :
«Убью!.. преграды все разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ : кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И, времени не тратя болѣ,

Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Конь, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Летитъ — а тотъ за нимъ вослѣдъ.
«Остановись, бѣглець безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный.
«Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяць торопливой,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивой,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,

И смерть принять ужь былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечъ ужь занесень.
«Погибни, трусь! умри!» вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрыши зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва - едва
Самъ не смѣлся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала.
Ты тамъ найдешь его, сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?

Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой :
«Встань, молодець; все тихо въ полѣ;
«Ты никого не встрѣтишь болѣ;
«Я привела тебѣ коня;
«Вставай, послушайся меня.»

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вдохнулъ и молвилъ, оживая :
«Ну, слава Богу, я здоровъ ! »

«Повѣрь!» старуха продолжала :
«Людмилу мудрено сыскать;
«Она далеко забѣжала;
«Не намъ съ тобой ее достать.
«Опасно развѣзжать по свѣту;
«Ты, право, будешь самъ не радъ.
«Послѣдуй моему совѣту.
«Ступай тихохонько назадъ.
«Подъ Кіевомъ, въ уединенѣ,
«Въ своемъ наслѣдственномъ селенѣ
«Останься лучше безъ заботъ :
«Отъ насъ Людмила не уйдетъ. »

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣнѣ
Благоразумный нашъ герой

Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ молодой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной душою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говорить: «найду ли друга?
«Гдѣ ты, души моей супруга?
«Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
«Услышу ль нѣжный разговоръ?
«Иль суждено, чтобъ чародѣя
«Ты вѣчной плѣнницей была,
«И, скорбной дѣвою старѣя,
«Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
«Или соперникъ дерзновенный
«Придетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный:
«Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
«Еще глава не пала съ плечь.»

Однажды, темною порою,
По камнямъ берегомъ крутымъ
Нашъ витязъ ѣхалъ надъ рѣкою.

Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летить со свистомъ
Свирѣпый всадникъ, и грозой
Помчался князь ему навстрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
«Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣсть;
«А тамъ ищи своихъ невѣсть.»
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаеть сей буйный гласъ...

Друзья мои! а наша дѣва?
Оставимъ витязей начась;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромной,
Я рассказалъ, какъ ночью темной

Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастная! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника свѣсивой,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селеня старый воръ,
Прявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ,
Взвился, летитъ. Въ когтахъ ужасныхъ

Во тму разсѣлинь безопасныхъ
Уносить бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветь любовницу пѣтухъ . . .
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята; наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летить за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ.
Гдѣ жъ, милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
Зоветь, и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнію вокругъ.
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты какъ жарь;

Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный парь;
Довольно... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ :
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая;
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣль Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя
И грудь и плечи молодыя
Фатой прозрачной какъ туманъ.

Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ;
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно знаютъ просебя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудеть въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не нашутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она

Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремятъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно лутника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лице закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Пѣвнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Саломонъ, иль князь Тавриды.

Предъ нею зыблются, шумять
Великолѣпныя дубровы;
Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣтса вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей Китайскій
Во мракъ трепетныхъ вѣтвей;
Летять алмазныя фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы,
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованной рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморныя преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и пролады,

Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькають свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтуть и дышутъ по тронамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда, сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходить,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ устамъ она прижала персть;
Казалось, умыселъ ужасный
Раждался . . . Страшный путь отверсть:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ — и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила рыдая въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть;
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла, оглянулась,
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристала;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится пыльная княжна;
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатерь,
И пышной роскоши приборъ,

И звуки арфы . . . все пропало;
Попрежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица нощи,
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонить сонъ,
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешнй вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ,
И осторожно опускаетъ
Сквозь ошмѣамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ оная явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
Но ихъ унылой, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ; ружой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной

Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились,
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожить какъ листъ, дохнуть не смѣть;
Мгновенной сонъ отъ глазъ бѣжить;
Не спать, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядить ...
Все мрачно, мертвое молчанье,
Лишь сердца слышитъ трепетанье ...
И мнится ... шепчетъ тишина;
Идутъ — идутъ къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ ... о страхъ! ... и въ самомъ дѣлѣ,
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Съдую бороду несутъ;
И входятъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей.

Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приблизился: тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдаго карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ Араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;
Зажавши уши поскорѣе,
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;
Шумять, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку,
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль неждану встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и съчу!

При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты;
Щиты трещать, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Переплелись и костенѣють;
По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожить —
И вотъ колеблется, слабѣють —
Кому-то пасть... вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наездника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой
И въ волны съ берега бросаетъ.
Погибни! грозно восклицаетъ;
Умри, завистникъ злобный мой;
Ты догадайся, мой читатель,

Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда Кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ, но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынь свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла,
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла,
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромной
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
Ужъ блѣдный критикъ ей въ услугу
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы насмѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тутъ злобы черную печать!
Скажи, зомль, скажи, предатель,
Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кротости молчу.

Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучнаго гимна...
Я вижу: тайная слеза
Падеть на стихъ мой, сердцу внятнѣй;
Ты покраснѣла, взоръ погасъ!
Вдохнула, молча... вздохъ понятнѣй!
Ревнивецъ: бойся, близокъ часъ;
Амуръ съ Досадою своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ браны его съдой
Рабы толпились молчаливы
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы;
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На бзконечные усы
Лылись восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;

Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
Въ окно влетаетъ змѣй крыматый :
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя, сказала,
Собратъ, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общою враждой;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Въщая : «Дивная Наина !
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Фина;
Но мрачныхъ козней не боюсь ;
Противникъ слабый мнѣ не страшенъ;
Узнай чудесный жребій мой :
Сей благодатной бородой
Недаромъ Черноморъ украшенъ.

Доколь власовъ ей сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубить,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубить
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Русланъ же гробу обреченъ ! »
И мрачно вѣдьма повторила :
« Погибнетъ онъ ! погибнетъ онъ ! »
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой,
И чернымъ змѣемъ улетѣла.

Блестая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренной,
Развеселясь, рѣшился вновь
Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ кардикъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты ;
Проходитъ длинный комнатъ рядъ :
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вокругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки . . . нѣтъ !
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ !
Кто выразитъ его смущенье,

И ревъ, и трепеть изступленья!
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ :
«Сюда, невольники, бѣгите !
Сюда, надѣюсь я на васъ !
Сейчасъ Людмилу мнѣ същтите !
Скорѣе, слышите ль? сейчасъ !
Не то — шутите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою ! »

Читатель, расскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась !
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода,
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды

Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла
Вдыхая не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрять шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ . . .
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ !
Рядиться никогда не лѣнь !
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что жъ ? о чудо старыхъ дней !
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула — передъ ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
Сняла — и въ зеркалѣ ! « Прекрасно !
Добро, колдунъ, добро мой свѣтъ !
Теперь миѣ здѣсь ужъ безопасно;
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ ! »
И шапку старого злодѣя

Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся доль широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь по неволѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины

Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь' вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усыялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Времень отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вкругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,

Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднималъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ и звонкій рогъ;
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землею;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромной
И что-то страшное храпѣть.

Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ :
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманъ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ; смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою:
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объаты;
Храпигъ, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходять, развѣваясь;
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,

Обѣхаль голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо;
Щекотить ноздри коніемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула . . .
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ,
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ,
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ, я не шучу!»
Какъ разъ нахала прогложу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала.
«Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
«Послушай, убирайся прочь!
«Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
«Прощай!» Но витязь знаменитой,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:

— Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я вѣду, вѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу! —

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жарь,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали,
Изъ усть, ушей поднялся парь;
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмури очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь изнеможенный
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отражень, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «Ай, витязь! ай, герой!
«Куда ты? тише, тише, стой!

«Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
«Не трусь, наѣздникъ, и меня
«Порадуй хоть однимъ ударомъ,
«Пока не заморилъ коня.»
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозить ей молча копѣемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Вминуту дерзости лишаась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушень,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣеть, ролю забываетъ,
Дрожить, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуюсь мгновеньемъ,

Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разить;
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись голова,
Перевернулась, покотилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязъ въ трепетъ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжить съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ . . .
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъъ свирѣпый умираетъ,
И мщенъе бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиреной:

Такъ на долинь таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумилъ меня, герой,
Со вздохомъ голова сказала :
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой;
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязь, будь великодушень !
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой !
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата !
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною !
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бороною,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокий, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастной,
Имѣя самый глупый ростъ,

Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
Притомъ же, знай: къ моей бѣдѣ
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтъ презирая —
Доколѣ борода цѣла —
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ — и что же? страхъ!
Я розобралъ во тмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной,
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубить:
Мнѣ бороду мою отрубить,
Тебѣ главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ приобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!
«Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье
Сказалъ я карлѣ, я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта.»

И сосну на плечо взвалиль,
А на другое для совѣта
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу;
Шагалъ, шагаль и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметаль его руками,
И потаенный мечъ досталь.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Бравились долго; наконецъ
Уловку выдумаль хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.
— Оставимъ бесполезный споръ,
Сказаль мнѣ важно Черноморъ:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велить;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба

(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышитъ первой звонъ
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба. —
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смѣкая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Приставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся;
Какъ вихорь свиснулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечь —
И сверхестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой оставъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной
Истлѣлъ мой прахъ непогребенной;
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь —
Ахъ, если ты его замѣтишь,

Коварству, злобѣ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей —
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же — честь и слава имъ!
Женитьбы наши безопасны . . .
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милой — о друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы
И почивайте втишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могиль и рая вѣрный житель,
И музы вѣтренной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь вослѣдъ тебѣ лечу,
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слышали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ,
И неспритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей:
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сии чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья

И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плакъ;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали.
И чтожь, возможно ль? . . . намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я? . . .

Младый Ратмиръ, направя къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужь думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ :
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Пашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ,
И видитъ : замокъ на скалахъ

Зубчаты стѣны возвышають;
Чернѣють башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный.

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полъ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный.»

Она манить; она поеть:
И юный ханъ ужъ подь стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумъ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнить
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной Русской банѣ.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряныя чапы,
И брызжутъ хладныя фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ;
На немъ усталый ханъ ложится;

Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботъ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машеть
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашеть;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Устала члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Тоится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ

Объды Греческихъ дружинъ
И звонъ и пѣну чапъ глубокихъ.
Милѣ, по слѣдамъ Парни,
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И цоцалуй любви нѣжной!
Луною замокъ озаренъ;
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горять;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манять;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивой
Скрывать подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснись — дорогъ мигъ утраты! . . .
Она подходитъ, онъ лежитъ,
И въ сладострастной пѣгѣ дремлетъ;

Покровъ его съ одра скользить,
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижно, бездыханна,
Какъ лицемѣрна: Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
И вотъ она, на ложе Хана
Колѣномъ оперлись однимъ
Вздохнувъ, лице къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой;
Слабѣетъ робкій голосъ мой —
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.
Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ ужъ раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучъ игривый

Главы косматый лобъ златить,
Русланъ встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приблизилась — Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младаго
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манять, не говоря ни слова . . !
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ,

Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ:
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ незрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другъ мыслить и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забыты плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все попустякамъ.

Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою;
Но въ сторону — незрима вдругъ —
Она неслышную стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томила грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла

Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водонадъ.
Съ своей обычной тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подвечеръ, слышали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ея брошенный вѣнокъ,
Или клочки Персидской шали,
Или заплаканной платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадою, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился наконецъ
Поймать Людмилу непременно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинулъ сътъ ся красамъ,
Открывъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи . . .

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки

Сидѣла тихо близъ окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ — кличуть: «милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана.
Его черты, походка, станъ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ
И на бедрѣ живая рана —
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
Русланъ! . . . онъ точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь . . . ты раненъ . . . что съ тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужась . . . призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадаетъ;
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
«Она моя!» и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукой

Младья прелести Людмилы!
Уже ли счастливъ будетъ онъ?
Чу . . . вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
На двѣ шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена . . . такъ чтоже?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите : можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А та — подъ юнкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подвечерокъ

Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ:
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На свѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перенугалъ?
Усланъ. Онъ, мстью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ, какъ буря воетъ,
Нестерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мочнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подьемлетъ смутный взоръ,
И видитъ — прямо надъ главою —
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся;
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака;

Намигъ исчезъ — и свысока
Шумя летить на князи снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ — да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ,
Волшебникъ силится, крихтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ . . .
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костей,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силъ Русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвить: слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спускаюсь — но только съ уговоромъ . . .

«Молчи, коварный чародѣй!
Прервалъ нашъ витязь: съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора.
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды,»
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носить,
На третій онъ пощады просить:
«О рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
Скажи — спущусь, куда велишь . . .»
— Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй Русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ. —

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ пустился;
Летитъ — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горь.

Тогда Русланъ одной рукою
Взяль мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
«Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко.
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя зоветъ коня лихаго;
Веселый конь летить и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летить въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ —
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ

Онъ отворяетъ двери въ садъ —
Идетъ, идетъ — и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы . . .
«Быть можетъ, горестъ . . . пѣнь угрюмый . . .
«Минута . . . волны . . .» Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томить невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ . . .
И вдругъ, неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушить, все крушить мечемъ —

Бесѣдки, роци упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенить и свищать,
Прелестный край опустошенъ —
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Сразмаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ . . .
И вдругъ — нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ . . .
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданнымъ счастьемъ упоенной,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цалуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ,
Зоветь ее — но дѣва дремлетъ.
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ей подьемлетъ.
Русланъ съ нею не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина . . .

Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна :

« Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина —
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна.»

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоценной
Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ кармой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лице спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;

Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ . . .
Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье . . .

Межъ тѣмъ, по доламъ, по горамъ
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанной,
А дѣва спитъ. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Ужель, страдалецъ постоянной,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ:

И вѣрю я! Безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравѣ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькой лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темной вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый . . .
Ахъ, первый поцалуй любви
Дрожащій, легкій, торопливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой . . .
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ея изрѣдка возшли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.

Русланъ глядитъ — и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ;
Быстрѣ борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены;
Свинцовой блѣдностью покрыты,
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены . . .
Надъ полумертвой головою
Послѣднй день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
«Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
«Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ!»
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
Намигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала . . .
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огонь еще родился,

И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала . . .
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье . . .
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанной.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника

Волною сонной омывала,
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ казалось тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня:
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,

Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаеть.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбацкѣ счастливомъ
Нашъ юный витязъ узнаеть?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ, въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабыль,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмгъ
Отшельникъ узнаеть Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ . . .
И обнялъ князь младаго хана.
Что вижу я! спросилъ герой,
Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, который ты прославилъ?

«Мой другъ, отвѣтствовалъ рыбакъ,
Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь: невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣ сердцу востократъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастьемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы.»
— Любезный ханъ, я очень радъ!
Сказалъ Русланъ: она со мною. —
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:

Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!»

Настушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на берегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна — все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душей вослѣдъ ему стремится,

Руслану счастья, побѣдъ
И славы и любви желаетъ . . .
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемья въ мѣрѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,
Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынь дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: «знаешь ли меня?
«Ступай за мной; сѣдай коня!»
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣланъ конь, она пустилась;

Тропами мрачными дубравъ;
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ,
Луна во мгль перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и кургапъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обыкновенною тоскою
Предъ усыпленною княжною.
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами;
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою;
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездною глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна . . .
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездною онъ . . .
Знакомый гласъ, призывный стонъ

Изъ тихой бездны вылетаетъ . . .
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тмѣ глубокой . . .
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ, въ гридницѣ высокой,
Въ кругу съдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за браными столами;
И также гнѣвень старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая . . .
И видитъ онъ, среди гостей,
Въ бою сраженнаго Рогдая:
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ . . . и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,

Ведеть онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчить, склонивъ главу увылу,
Князья, бояре — всѣ молчать,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло — смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжело погружень,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслить: это сонъ!
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не всилахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объята роци темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спить Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ,
Въ немъ сердце замерло, дрожить,
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,

Готовясь витязи безъ боя
Съ размаха надвое разсѣчь . . .
Къ нему подѣхаль. Конь героя,
Врага почуя, закипѣль,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ; сонъ ужасный,
Какъ грузъ, падъ нимъ отяготѣль! . . .
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь . . .
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманной,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга . . .
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забьлъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоень, отвыкъ . . .
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ и сладкихъ думъ;

Любовь и жажда наслаждений
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Расказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимиръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала . . .
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младаго.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежить онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый!

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,

Въ его глазахъ исчезъ огонь!
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ,
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ . . .
Но князя крѣпко хладный сонъ,
И долго щить его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ;
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо!
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видитъ, богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнить: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ неправъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Киеву Фарлафъ:
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны

Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца:
И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ: передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась — передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ . . . ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей;
Подходить; отчими руками

Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы; всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но, хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ,» сказалъ Фарлафъ.
«Я такъ нашелъ ее недавно
«Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
«У злаго лѣшаго въ рукахъ;
«Тамъ совершилось дѣло славно;
«Три дня мы билися; луна
«Надъ боемъ трижды подымалась;
«Онъ палъ, а юная княжна
«Мнѣ въ руки сонною досталась;
«И кто прерветъ сей дивный сонъ?
«Когда настанетъ пробужденье?
«Не знаю — скрыть судьбы законъ!
«А намъ надежда и терпѣнье
«Однѣ остались въ утѣшенье.»

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;

Печальный теремъ всѣмъ открыть;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ високомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубы,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяннѣ, въ досадѣ,
Трепещеть, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шуми, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякой толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне

Толпятся на стѣнѣ градской . . .
И видятъ: въ утреннѣ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой;
Щиты, какъ зарево, блистаютъ,
Въ поляхъ наѣзники мелькаютъ,
Вдали подьема чернѣй прахъ;
Идутъ походныя телеги,
Костры пылаютъ на холмахъ.
Бѣда: возстали Печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнѣ,
Духовъ могучій властелинѣ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши стѣней горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремячихъ,
Куда и вѣдъмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.

Крутомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтнн сосны не шумятъ;
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жарь лѣтнй пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ . . .
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивнй сонъ,
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухъ пропалъ
И очутился въ два мгновенья
Въ долинь, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою,
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропиль,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою
Встаетъ Русланъ, на ясный день

Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ.
Вдругъ витязь вспрынулъ; вѣщій Финнъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ;
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми заветное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнуть силы;
Враговъ смутить твое лице;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку . . . тамъ, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся съ тобой!»
Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ . . .
Но ничего не слышно болѣ!

Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ!
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливой
Бѣжить и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ живой и здоровый
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный?
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, унынемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхъ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни;
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталь. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ!
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;

Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
Навстрѣчу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони;
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ Русскій палъ, тамъ Печенѣгъ;
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ:
Тотъ опрокинуть булавою;
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ . . .
И длился бой до темной ночи;
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!
За грудями кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы

Быль слышенъ падшихъ скорбный стонъ,
И Рускихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна серебрилася въ потокѣ,
Сомнительный раждался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце Кіевлянъ;
Вѣрутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ межъ врагами,
Блестая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубить,
Въ ревущій рогъ, летая, трубить...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ съ карломъ за сѣдломъ
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищеть грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,

Вездѣ главы слетають съ плечь,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрываетъ холмами тѣль кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣль, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились . . . гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ Печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣють болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ Кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы Рускій мечъ казнить;
Ликуетъ Кіевъ . . . Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемъ вьется борода;
Летитъ, надеждой окриленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,

Толпится съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна . . .
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей.
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей . . .
И чудо: юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной,

И вдругъ узнала — это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой расказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милой!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

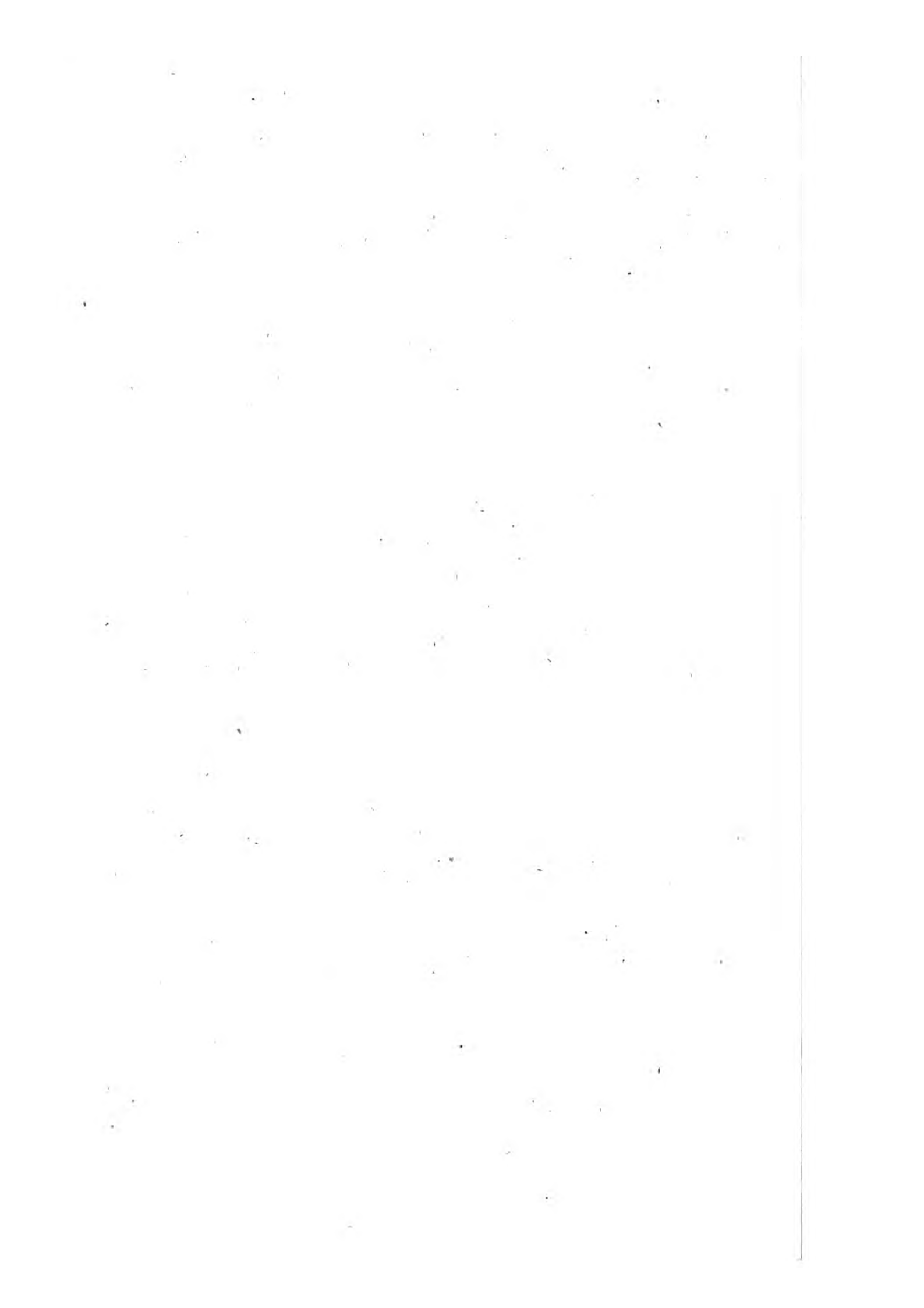
ЭПИЛОГЪ.

Такъ, мира житель равнодушной,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ — и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной! . . .
Я погибалъ . . . Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,

Кипящей младости кумирь!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатъ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній . . .

КАВКАЗСКІЙ ПЛЪННИКЪ.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

*Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ пустынной лиры пльнь
И вдохновенный свой досугъ.
Когда мнѣ бѣдствія грозили,
И при тебѣ еще спокойство находилъ,
И сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили:
И въ мирной пристани боговъ благословилъ.
Во дни пегальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту¹, пустынникъ величавый,
Ауловъ² и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,*

*Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлалъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчя страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья,
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни разны шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьи стрѣль,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрныя цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ:
Но, сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.*

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулъ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей³,
Удары шашекъ⁴ ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.
Вотъ Руской! хищникъ возопилъ.
Ауль на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный сонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ . . .
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,

Гнѣздо разбойничьихъ племень,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ: загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги . . .
Все, все сказалъ ужасный звукъ;
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями ⁵ лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынные равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмой:
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась думой . . .

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ;
Гдѣ первую позналъ онъ радость,

Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увидшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свершилось . . . цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него.
Онъ рабъ. Склонясь головой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гуль,
Съ полей народъ идетъ въ ауль,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ; все въ почной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа сплщія вершины . . .
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся Руской. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ,
И мыслить: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая.
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысь ⁶ прохладной
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;

Онъ ловить жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умильный, жаръ ланить,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорной,
Привсталъ, и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главою;
Но все къ Черкешенкѣ молодой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла;
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались;
Она вздыхала, и неразъ
Слезамъ очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводить плѣнникъ каждый день.

Пещеры темная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной;
Когда же рогъ луны серебристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысь, и ульевъ сотъ душистой,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ;
На немъ покоитъ нѣжный взоръ;
Съ неясной рѣчію сливается
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передастъ языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но Рускій жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой —
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ вспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,

И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкаль;
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрываль.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперяль онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣль на небѣ голубомъ. ⁸
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣль,
Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ

Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стада
Ужъ гласомъ бури заглушались . . .
И вдругъ на доли дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые —
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,

Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесь проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ воинѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ же онъ; все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой

Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынь топотъ раздается;
Съдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется;
И путникъ, брошенный ко дну,
Глодаетъ мутную волну,
Изнемогая смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой . . .
Но мощный конь его — стрѣлой
На берегъ пѣнистый выносить.

Пль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесь на корни вѣковые,

На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шоломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ.
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину? ... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана —
Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь ⁹ отраднѣй подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимной ¹⁰.

Бывало, въ свѣтлый баиранъ ¹¹
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,

Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Но Руской равнодушно зрѣлъ
Син кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести беспощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладной,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ

Суровой простоты забавы,
И дикаго народа правы
Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читаль —
Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда твой другъ во тмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгарая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала мѣръ земной,
Ты говорила: плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынь
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донинѣ
Не цаловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой

Черкесь молодой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой ауль цѣною злата:
Но умолю отца и брата;
Не то — найду кинжалъ иль ядъ.
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена;
Люблю тебя, невольникъ милой,
Душа тобой упоена . . .

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатались.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою.
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другаго юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оставь меня; но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упонительнымъ мечтамъ!
Но поздно: умерь я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ . . .

«Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,

И очи полныя слезами
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжело мыслить о другой! . . .

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:

Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости . . . дай руку — на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалить хладная разлука:
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая:
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ;
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука;
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

«Ахъ, Руской, Руской, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала;
Немного радостныхъ почей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда нибудь?
Уже ль навѣкъ погибла радость? . . .»

Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бь изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала бь жребіѣ твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бь минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ . . . Но кто жь она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, Руской? ты любимъ? . . .
Понятны мнѣ твои страданья . . .
Прости жь и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ.

Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали плѣни.
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь: и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,

Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь . . . »

Свѣтила почи затмевались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродить.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель.
Зоветь . . . но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся бушуя,
И чловѣка звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ Руской плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ! «Бѣгутъ, шумять;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ броши,
Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь ауль готовъ:
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани.

Утихъ ауль; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе
Въ свободной рѣзвости шумять;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ:
Изъ трубокъ дымъ вѣяетъ синѣть.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ,
И старцевъ сердце молодѣть.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремаль,

Склонясь на копіе стальное.
Не спи казакъ: во тмѣ ночной
Чеченець ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонуть маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченець ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатая станицы;
Весельи пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, Рускія пѣвицы;
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченець ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегъ,
Мечтаетъ Русской о побѣгъ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремятъ надъ водами,

Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топоть табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало;
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ — печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги,» сказала дѣва горь:
«Нигдѣ Черкесь тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ: твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.»

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подѣ пилой,

Слеза невольная скатилась —
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты волень, дѣва говоритъ,
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
«О другъ мой! Руской возопилъ;
Я твой навѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной . . . » — Нѣтъ, Руской, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала все, я гнала радость.
И все прошло, пропала и слѣдъ.
Возможно ль? ты любилъ другую! . . .
Найди ее, люби ее;
О чемъ же я еще тоскую?
О чемъ уныніе мое? . . .
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ . . . въ послѣдній разъ. —

Къ Черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
И долгій подалуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.

Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу въ тишинѣ —
И Руской въ шумной глубинѣ
Уже плыветь и пѣнить волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ . . .
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ . . .
На дикій берегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ . . . берега яснѣли
И опѣненные бѣлѣли;
Но нѣтъ Черкешенки молодой
Ни у береговъ, ни подъ горой
Все мертво . . . на берегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесь суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣль на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на темный доль,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шель,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали Рускіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ муза, легкой другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала,
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсень и расказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторить она

Преданья грознаго Кавказа;
Раскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава ¹² древній поединокъ,
Измѣны, гибель Россіянъ
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ:
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекъ съдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ Русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ;
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губиль, ничтожилъ племена . . .
Ты днесъ покинулъ саблю мести,
Тебя не радуеть война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ . . .
Но се — востокъ подъемлетъ вой! . . .
Поникни снѣжною главою,
Смирись, Кавказъ: идетъ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Рускому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батя,
Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы босвья.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. *Бешту*, или, правильнѣе, *Бештуу*; Кавказкая гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.
2. *Аулъ*. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.
3. *Уздень*, начальникъ или князь.
4. *Шашка*, Черкесская сабля.
5. *Сакля*, хижина.
6. *Кульмъ* дѣлается изъ кобыльаго молока: напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и почитается весьма здоровымъ.
7. Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ея претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большей части заунывыя. Онѣ славятъ минутныя успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ: Бакунина и Цицанова — измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.
8. Державинъ, въ превосходной своей одѣ графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строкахъ дикія картины Кавказа:

О юный вождь, сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки,
Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога.
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ.
Ты зрѣлъ, какъ ясною порою,
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горить;
Какъ глыба тамъ сизоантарна,
Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ;
А тамъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Жуковский, въ своемъ посланіи къ Г-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько предестныхъ стиховъ описанію Кавказа:

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль Черкесь сидѣлъ,
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой

Тамъ все блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкирь, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпие творенья!
Но тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣзятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камуцинецъ,
И Корбулакъ, и Албазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсукъ.
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь, соратникъ быстроногий —
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросають смерть изъ-за утеса;
Или по тонкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждуть;
Скалы свободы ихъ приютъ.
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни:
Тамъ жизнь ихъ — сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ

Вонзивиши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ;
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы.

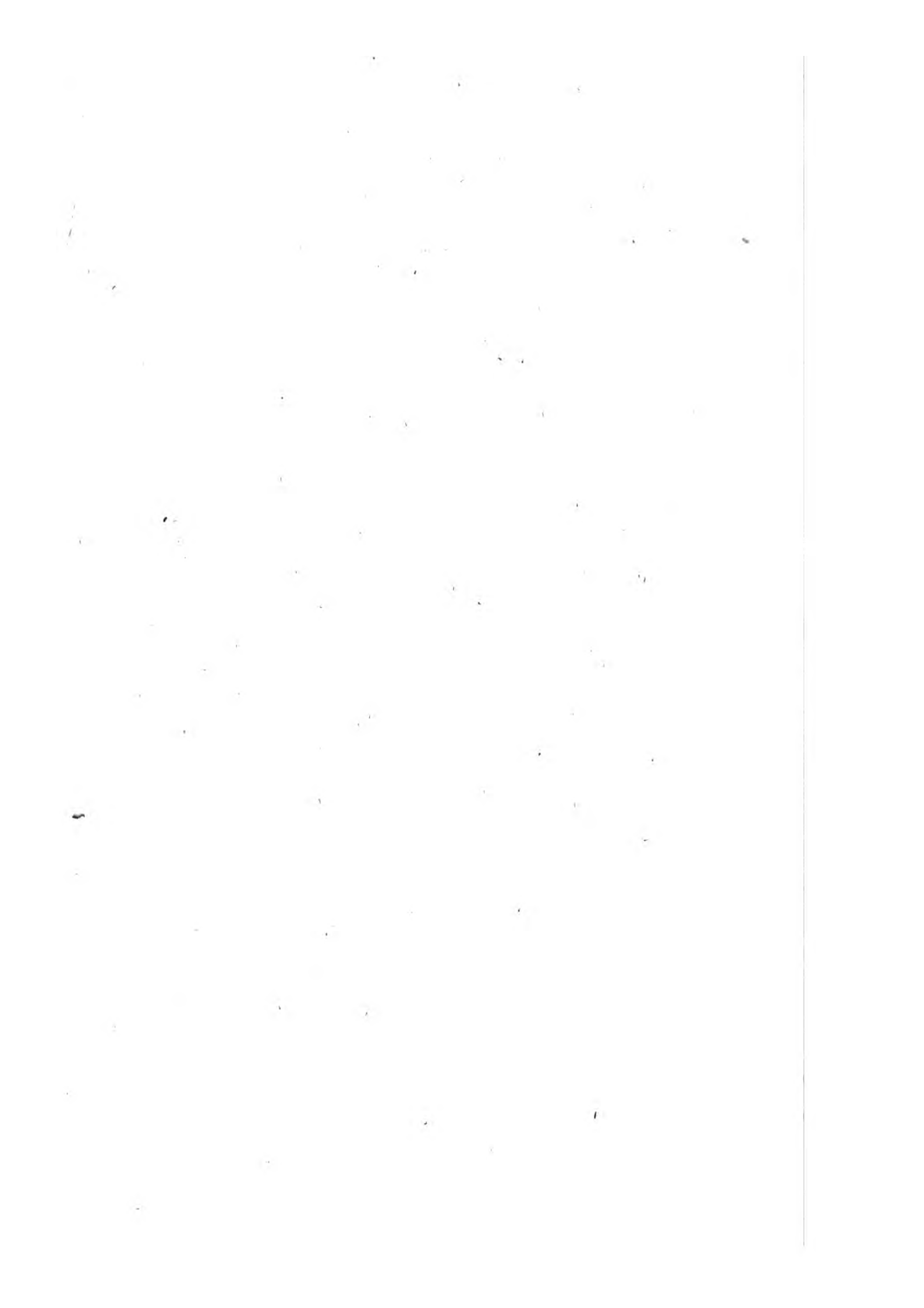
9. *Тихирь*, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священою особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (т. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизнью за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

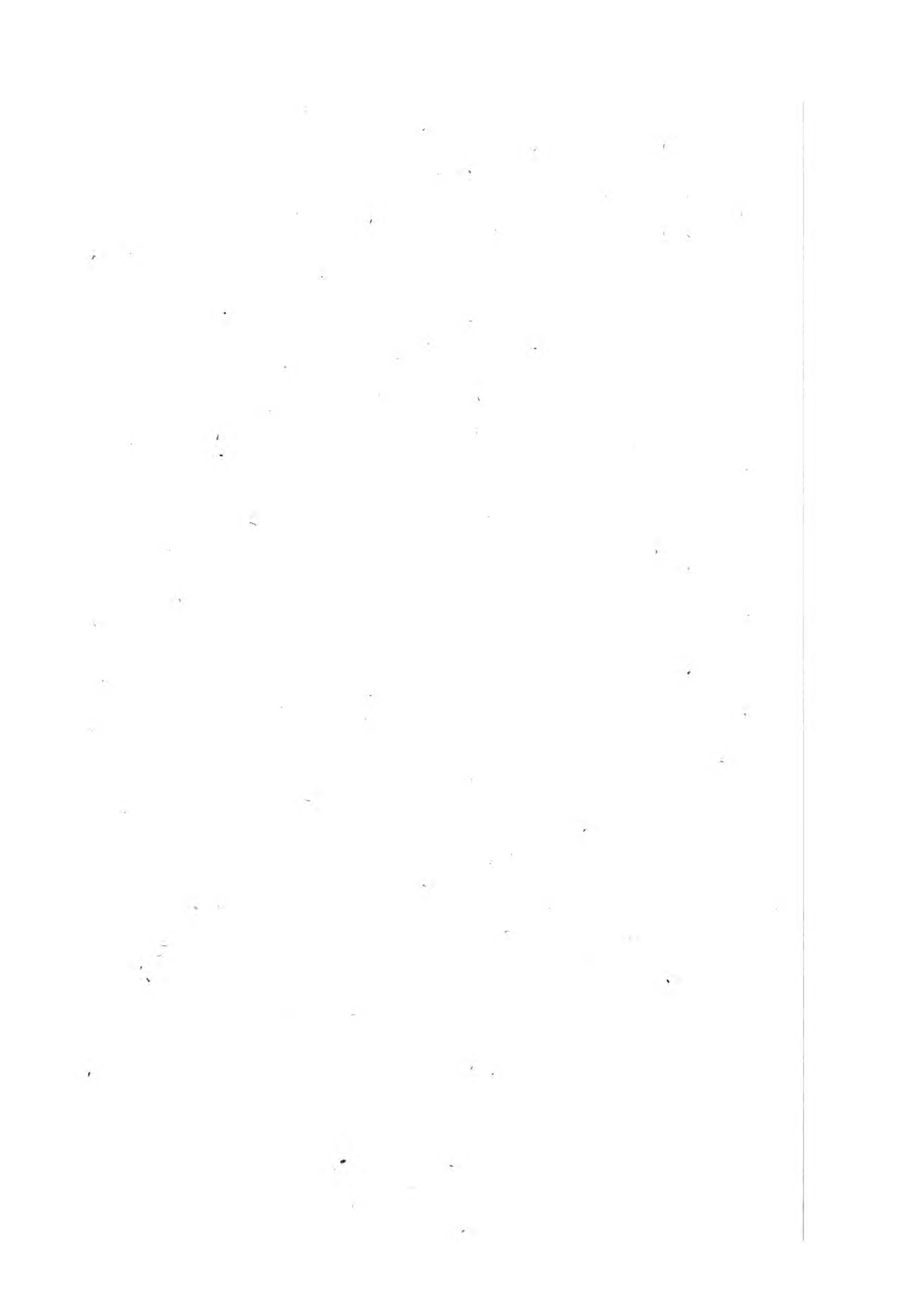
11. *Байрамъ* или *байрамъ*, праздникъ розговѣнья. *Рамазанъ*, музильманскій постъ.

12. Мстиславъ, сынъ Св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный князь Тмутаракана (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой:
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободный грудь его вздыхаетъ.
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ.
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли мѣстю кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горь,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой.
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Уже ль въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной,
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ Аравійскіе цвѣты

Живуть за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ
И непримѣтно за собой
И младость и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью править лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младья жены, какъ нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или, при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ,
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный, Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь хана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не просить;

Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ и въ неволѣ:
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой;
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе волосы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тмѣ ночной
Неслышными шагами бродитъ;
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходитъ;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,

Ночной подслушиваетъ лепеть;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепеть,
Все жадно примѣчаетъ онъ,
И горе той, чей шопоть сонной
Чужое имя призывалъ,
Или подругъ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!

Что жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель:
Предъ нимъ дверь настезъ. Молча, онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ жень.

Безпечно, ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онъ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно ишья
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ

Шербеть носили ароматной
И пѣснюю звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо челоуѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный берегъ Дуная
Своею смертию освятить:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.

5.

«Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя.»

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою

Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ! . . . Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Ясиѣ дни, чериѣ ночи.
Чей голосъ выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцалуй живѣй
Твоихъ извительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но, равнодушный и жестокой,
Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладныя часы
Проводить мрачный, одинокой
Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;

Съдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя
И очи томно-голубыя,
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юпошей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ

Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы Татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маринна свѣтлица . . .
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіють мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница . . .
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадить:

Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ кунальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своею;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
Позволено ей жить одной:
И, мнится, въ томъ уединенѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ Ущованье въ тишинѣ
Съ смиренной Вѣрой обитаетъ;
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ . . .
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;

И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной пѣгѣ утонаеть,
Святую строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ :
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство . . .

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрываютъ бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ Татаръ сѣшать супруги
Дѣлятъ вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый пѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежной,

Дозоромъ обошелъ евнухъ,
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилѣжной
Тревожить въ немъ и спящій духъ.
Измѣньъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ уму.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожить,
Напуганнымъ прикинувъ ухомъ . . .
Но все кругомъ него молчить;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракъ соловьи поютъ;
Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны

Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спять. Не спитъ одна;
Едва дыша, встаетъ она;
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой . . .
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
Обманчивъ сна его покой! . . .
Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка . . .
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ . . .
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ
И крестъ, любви символъ священный . . .
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.

Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарились:
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сыпь эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ . . .
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема . . .
Увы, Зарема, что съ тобой!
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молить: «сжался надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!» . . .
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зрить;
Въ смятенѣ, трепетной рукою
Ее подьема, говорить:
«Кто ты? . . . Одна, порой ночью,
Зачѣмъ ты здѣсь?» — Я шла къ тебѣ:
Спаси меня; въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась . . .
Я долго счастьемъ наслаждалась,

Была безпечнѣй день отъ дня . . .
И тѣнь блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко . . . по миновшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами . . .

Страхъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ
Въ тѣни гарема расцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасныя набѣги

И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня . . . и съ этихъ поръ
Мы въ непрерывномъ упоеньѣ
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась . . .
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докучень сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоръ
Со мною не находятъ онъ.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина . . .
И такъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?

Оставь Гирей мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горять его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна . . .
Я плачу! видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой.
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирей . . .
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣнемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись . . . (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забьла вѣру прежнихъ дней;
Но вѣра матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею . . .
Но слушай: если я должна
Тебѣ . . . кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена.»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.

Невишной дѣвѣ непопятенъ
Языкѣ мучительныхъ страстей:
Но голосъ ихъ ей смутно внятень,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и молебья
Ее спасутъ отъ посямленья?
Что ждетъ ее? Уже ли ей
Остатокъ горькихъ юныхъ дней
Провести наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускорепной
Унылы дни ея пресѣкъ;
Съ какою бѣ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынь мѣра?
Ужъ ей пора; Марію ждуть,
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почилъ,
Она давно-желанный свѣтъ,
Какъ новый ангелъ, озарила.

Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло,
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной! . . .
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный:
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и сразмаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зреть его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ними
Давно Грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми

Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бѣ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символь конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись; ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчить во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младья дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,

И мрачный памятникъ онѣ
Фонтанножь слезъ именovali.

Покинувъ съверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ,
Бродилъ я тамъ, гдѣ, бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играють воды, рдѣють розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вдыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сии надгробныя столбы,
Вѣнчанныя мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось . . . но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной! . . .

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбежный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную . . .

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Сагира!

Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй и тополей прохлада;
Все чувство путника манить,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага . . .

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ТАВРИДѢ

И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

—

«Вчера ввечеру, подъѣхавъ къ Бахчисараю и спустившись въ ущелью, въ которой онъ лежитъ, я засвѣтло успѣлъ только пробѣжать длинную улицу, ведущую къ Хансараю (т. е. къ ханскому дворцу), на восточномъ концѣ города находящемуся. Солнце давно уже не видно было за горами, и сумракъ началъ сгущаться, когда я вступилъ на первый дворъ *сарал*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической *Аламбры*; и чѣмъ менѣе видны становились предметы, тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего, наполнившася радужными цвѣтами восточной поэзіи.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но, такъ какъ должно, отъ верхнихъ воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по мосту, чрезъ узкую *грязную рѣчку Сурукъ-су*. Прошедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ, на пространномъ паралелограмѣ, коего противоположный входу малый бокъ граничитъ съ садовыми террасами; оба же большіе заняты на лѣвой сторонѣ мечетью и службами, а съ правой дворцемъ, состоящимъ изъ

смежныхъ неодинаковой высоты зданій. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота, подъ строеніемъ находящіяся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ тотчасъ на лѣвой рукѣ представляются тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусь украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оттоманской луны.

Переступивъ за порогъ, ты въ пространныхъ сѣняхъ на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо, ведущее на верхнія палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана, безъ устанно лиющіе воду изъ стѣны, и бѣлыя мраморныя чаши, одинъ насупротивъ дверей, другой тотчасъ налѣво.

Дабы не оставить ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣтимъ широкій коридоръ отъ лѣваго угла противоположно входу стѣны, ведущей прямо въ домовую ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ Гирей хана. (*)

Другая дверь того же коридора налѣво даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣнъ до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются отъ жара окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ ханскій диванъ, т. е. въ комнату, гдѣ собирался государственный совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, снаружи отъ большого двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только большимъ или мень-

(*) Селамидъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.

шимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣтить, что главные залы освѣщены съ трехъ сторонъ, т. е. всѣ изъ фасада выступающія оныхъ стѣны сплошь окончатая. Другаго входа въ залу нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, непримѣтной, между пиластрами Аравскаго вкуса, между коими и шкафы, также непримѣтные, находятся по всей темной этой стѣнѣ. Надъ оными стекла (въ лучшихъ залахъ) снутри и снаружи покоя, до потолка, между коими стоятъ украшенія лѣнной работы, какъ то: чаши съ плодами, съ цвѣтами, или дерева съ тучелами разныхъ птицъ. Потолки также, какъ и темная стѣна, столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченая рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, густаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомые мнѣ по Испаніи *эстеры*, т. е. рогожки весьма искусно сплетенныя изъ тростника, родъ *гениста*, и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнаты, съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней служатъ еще и цвѣтныя, узорчатая стекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ восточныхъ народовъ, во время Крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты представишь себѣ диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ тканей, на полу лежащія вокругъ всѣхъ стѣнъ, исключая темной, ты будешь имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и столами. Сія послѣдняя утварь особливо драгоценна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ странахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто столовъ употреб-

ляютъ низкія круглыя скамьи, на которыя ставятъ подносы и ѣдятъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги на полу.

Ты легко догадаться можешь, что въ сторонѣ отъ сего строенія находился гаремъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ хана, и для одного имѣющій сообщеніе чрезъ коридоръ съ дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разныя домики, въ коихъ нѣкогда жертвы любви, или лучше сказать, любострастія, томилась въ неволѣ, представляютъ теперь печальную картину разрушенія; обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узнищю; но что въ томъ пользы, когда то же время, рокомъ узницамъ определенное, протекло для нихъ безотрадно въ рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! На краю сего гарема стоитъ на большомъ дворѣ высокая шестиугольная бесѣдка, съ рѣшетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываютъ, ханскія жены, невидимыя, смотрѣли на игры, вѣзды пословъ и другія позорища. Иныя говорятъ, будто тутъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ. Это послѣднее потому только вѣроятно, что пѣтухъ съ семействомъ своимъ есть единственная картина, которую супругъ-мусульманъ можетъ представлять невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. Между сею полусогнившею бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, есть прекрасный цвѣтничекъ, гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Татарскому Анакреону.

Но пора оставить сія, грудь тѣснящіе памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ воздухѣ. Вотъ насупротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ принимающагося, террасы въ четыре уступа, на коихъ

плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачныя источники, съ уступа на другой лиющіеся въ каменные бассейны. Можетъ быть, нѣкогда мурзы-царедворцы, уподобляя Гиреевъ владыкамъ Вавилона, сравнивали и террасы ихъ съ всеящими садами Семирамиды: но теперь Крымское чудо сіе представляетъ видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Больше всего жаль драгоцѣннѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы уже засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, внѣ двора, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми, мраморными гробницами, осѣненными высокими тополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и отецъ его, основатель могущества царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде, нежели оставимъ сію юдоль сна непробуднаго, я укажу тебѣ отсюда на холмъ, влѣво отъ верхней садовой террасы, на коемъ стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керимъ-Гирея. Повал Заира, силою прелестей своихъ, она повелѣвала тому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: увялъ райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей, и безотрадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ежедневно входить въ оный и утѣшаться слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хотятъ, чтобъ эта красавица была не Грузинка, а Полячка, именно какакто Потоцкал, будто бы похищенная Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ никакого историче-

скаго основанія, и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались бесполезными: они стоятъ въ одномъ: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Потоцкихъ.»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

Изъ Азии переехали мы въ Европу (*) на корабль. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митрида-тову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнiя. Развалины Пантiкапей не сильнѣе подѣйствовали на мое воображенiе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшiй ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Теодосiи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы « Вотъ Четырдагъ, » сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину пѣвнительную: разноцвѣтныя горы сияли; плоскiя кровли хижинъ Татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ и кру-

(*) Изъ Тамани въ Керчь.

гомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всею равнодушіемъ и безопасностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикененса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, мнѣологическія преданія счастливы для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рѣшмы.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К * * поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный

Фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полу-европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тѣмъ

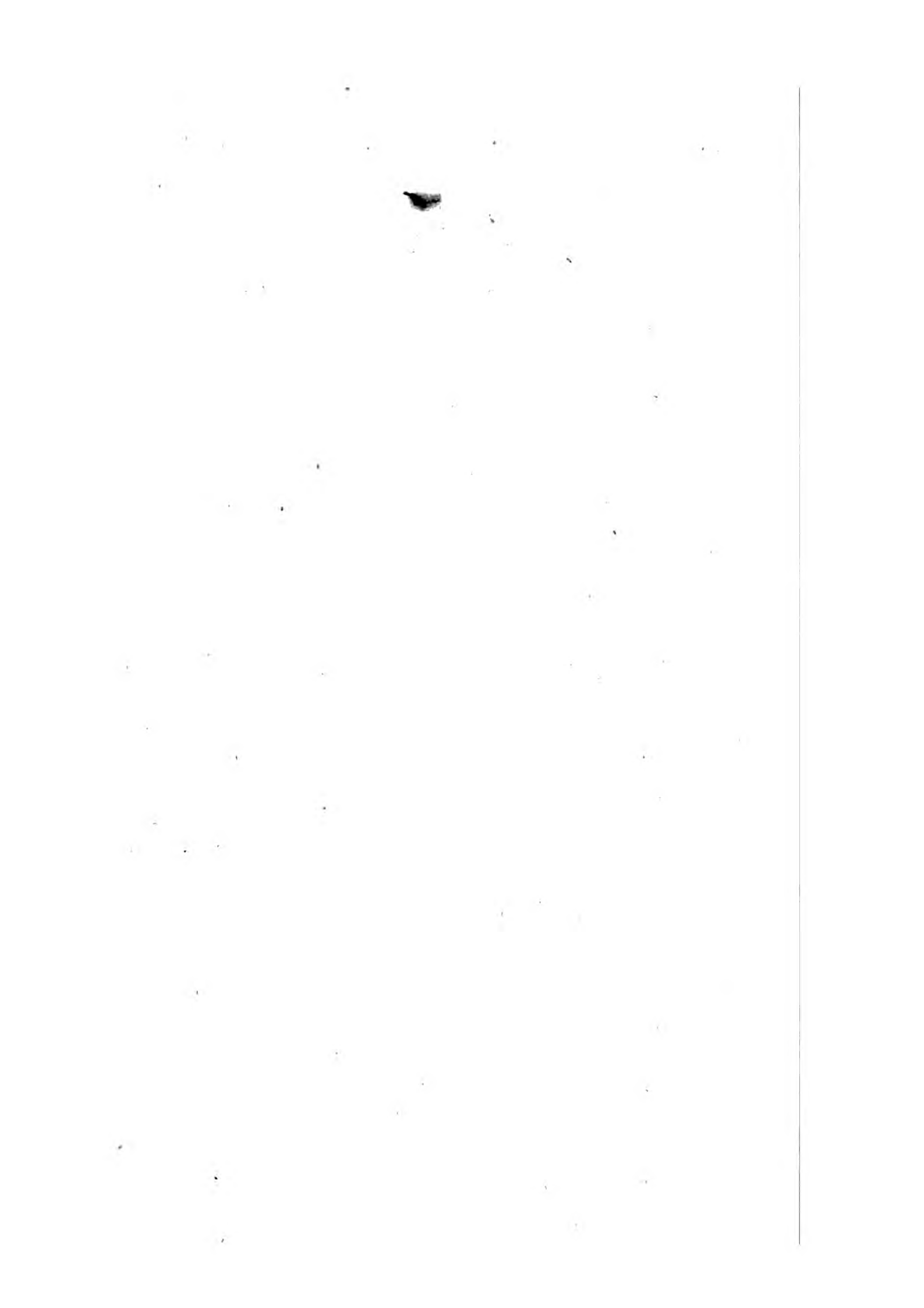
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непременно имъ воспользовался.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець —
Живуть безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглець
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финнъ, и съ лѣнью праздною
Вездѣ кочующій Цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;

Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей степенье,
Кто не прощаетъ, не щадить,
Кого убійство веселить,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ:
И сны зловѣщія летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ рассказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
Пришельца новаго рассказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:

Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь:
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

Ахъ, юность, юность удамая!
Житѣ въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогой —
Все наше! все себѣ беремъ.

Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
Туда! къ воротамъ, и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли — все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

И чтожь? попались молодцы;
Недолго братья пировали:
Поймали насъ — и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами,
И вынести больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь . . . я въ лѣсъ хочу . . .
Воды, воды! . . .» но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:

Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жарь ядовитаго недуга;
Ужь онъ меня не узнавалъ
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ : «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня наволѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ! . . .»
То снова разгарались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ;

Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! сжался надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дрихлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его — онъ неопасенъ;
Въ немъ крови капли теплою нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчить за насъ онъ Божій гнѣвъ!...»
Я слушалъ, ужась одолѣвъ;
Хотѣлъ унять больнаго слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
То слышалъ ихъ ужасный шопоть,
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трещеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,

Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.

Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкой шумъ залетной птицы.

По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянне,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней. — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! попали въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,

И разсыкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «Лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ
Отягощенные водою
Погоню видимъ за собою;
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ вбродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо —
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь,
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдной братъ . . .
И трудъ и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ,
И злыя грезы посѣтили,

Три дня больной не говорил
И не смыкала очей дремотой;
Въ четвертый, грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одольвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
И на груди моей уснулъ.

Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется-ли мертвецъ?
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ . . .
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ . . . Но прежнихъ лѣтъ
Ужь не дождусь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пирь, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги —
Могила брата все взяла,
Влачусь угрюмой, одинокой;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:

Мнѣ страшно рѣзать старика;
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горячею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать,
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!
И кружка вновь пошла кругомъ;
Намигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть,
Всякъ хвалить мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердца дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

ЦЫГАНЫ.

ЦЫГАНЫ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабиі кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телегъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горить огонь; семья кругомъ
Готовить ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ наволъ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь, недалеій,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,

И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ;
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ, какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ наночь зазвала.

Онъ хочетъ быть какъ мы Цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ итти за мною всюду.

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долъ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровь.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долъ,
Бродящей бѣдности и волъ;
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телегѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

АЛЕКО.

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА.

Онъ будетъ мой:
Кто жъ отъ меня его отгонить?
Но поздно . . . мѣсяцъ молодой
Зашель, поля покрыты мглой
И сонъ меня невольно клонить . . .

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,

Волюнки говоръ, скрипъ телегъ,
Все скудно, дико, все нестройно;
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира.
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Чтожь сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ:
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Естрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —

И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ :
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетной,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога;
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда;
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ перѣдко грохоталъ;
Но онъ безопасно подъ грозою,
И въ ведро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти

Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давноль, на долголь усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

АЛЕКО.

Что бросилъ я?

ЗЕМФИРА.

Ты разумѣешь:

Людей отчизны, города.

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городѣвъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонять,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонять
И просить денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнь волнение,

Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Земфира.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

Алеко.

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье —
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

Старикъ.

Ты любишь насъ, хоть и рождень
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приучень.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
(Я прежде зналъ, но позабылъ

Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной,
Онъ говорилъ, что гнѣвный богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье.
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальный градъ вспоминая,

И завѣщаль онъ умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Алеко.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что такое слава?
Могильный гуль, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго расказъ?

Прошло два лѣта. Также бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, попережнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ.
Онъ, любить ихъ ночлеговъ сѣни
И упоенье вѣчной лѣни
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близъ Молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ и реветъ,

И цѣпь докучную грызеть.
На посохъ опершись дорожной,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣнъемъ звѣря водить,
Земфира поселянъ обходить
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь; они всѣ трое
Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣеть
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

Земфира.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другаго люблю,
Умираю любя.

Алеко.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсень не люблю.

Земфира.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
 Не скажу ничего;
 Старый мужъ, грозный мужъ,
 Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
 Жарче лѣтняго дня;
 Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
 Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
 Я въ ночной тишинѣ!
 Какъ смѣялись тогда
 Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволенъ

Земфира.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

Алеко.

Земфира! . . .

Земфира.

Ты сердиться волеешь,

Я пѣсню про тебя пою.

(Уходитъ и поетъ: старый мужъ и проч.)

Старикъ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
 Во время наше сложена;

Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее бывало въ зимню ночь
Моя пѣвала Маріула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Чась отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшенъ
Лазурный юга небосклонъ;
Старикъ Земфирой пробуждёнъ.
«О мой отецъ, Алеко страшёнъ:
Послушай, сквозь тяжель сонъ
И стонеть и рыдаетъ онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я Руское преданье:
Теперь полуночной порой
У спящаго тѣснить дыханье
Домашній духъ; передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой! шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ:
Ты для него дороже мира.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ.
Мнѣ скучно, сердце воли просить,

Ужъ и . . . но тише! слышишь? онъ
Другое имя произносить.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый! . . . Какъ ужасно;
Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно,
Ночнаго духа не гони;
Уйдесть и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцемъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

АЛЕКО.

Мнѣ снилась ты.

Я видѣлъ, будто между нами.....

Я видѣлъ страшныя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

АЛЕКО.

Ахъ, я не вѣрю ничему:

Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,

Ни даже сердцу твоему.

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубить.

АЛЕКО.

Отецъ! она меня не любитъ.

СТАРИКЪ.

Утѣшься, другъ; она дитя.
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озарить,
И вотъ, ужъ перешла въ другое

И то недолго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?
Утѣшься!

Алеко.

Какъ она любила!

Какъ, нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

Старикъ.

Послушай, расскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще Москаль
(Вотъ видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.) —
Тогда боялись мы султана;
А правилъ буджакомъ паша

Съ высокихъ башенъ Акермана.
Я молодъ былъ; моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла;
Между красавицъ молодыхъ
Одна была. и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Мариула.

Однажды, близъ Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нѣтъ!
Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.

Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ! съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ.

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

Алеко.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хотъ мщеньемъ наслажусь.
О нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашель я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;

Внезапный ужас пробужденья
Свирѣлымъ смѣхомъ упрекнуль,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

Молодой Цыгань.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора: мой мужь ревнивъ и золь.

Цыгань.

Одно но долъ! на прощанье.

Земфира.

Прощай, покаместъ не пришелъ.

Цыгань.

Скажи — когда жь опять свиданье?

Земфира.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,

Тамъ, за курганомъ надъ могилой. . . .

Цыгань.

Обманеть! не придетъ она.

Земфира.

Бѣги — вотъ онъ. Приду, мой милый.

Алеко спить. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тмѣ,
Ревниво руку простираетъ:
Но обрѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ —
Его подруга далека
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ:
Все тихо; страхъ его объемлетъ;
По немъ текутъ и жаръ и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходить,
Вокругъ телегъ ужасенъ бродить;
Спокойно все; поля молчать!
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ,
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.
Могилы на краю дороги

Вдали бѣлѣть передъ нимъ,
 Туда слабѣющія ноги
 Влачить, предчувствіемъ томимъ,
 Дрожать уста, дрожать колѣни...
 Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
 Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни
 И близкій шопоть слышитъ онъ
 Надъ обезславленной могилой.

Первой голосъ.

Пора —

Второй голосъ.

Постой!

Первой голосъ.

Пора, мой милый.

Второй голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

Первой голосъ.

Ужъ поздно.

Второй голосъ.

Какъ ты робко любишь.

Минуту!

Первой голосъ.

Ты меня погубишь.

Второй голосъ.

Минуту!

Первой голосъ.

Если безъ меня

Проснется мужъ.....

Алеко.

Проснулся я.

Куда вы? не спѣшите оба;

Вамъ хорошо и здѣсь у гроба.

Земфира.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

Алеко.

Постой!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ).

Земфира.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

Земфира.

Алеко! ты убьешь его!

Взгляни: ты весь обрызганъ кровью!

О, что ты сдѣлалъ?

Алеко.

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

ЗЕМФИРА.

НѢтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклиная.

АЛЕКО.

Умри жъ и ты! *(Поражаетъ ее).*

ЗЕМФИРА.

Умру любя.

Востокъ денницей озаренный
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убийца страшень былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цаловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,

Онъ молча медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человекъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золь и смѣль; — оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьѣмлетъ съ полей
Станица позднихъ журавлей

И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телегъ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Рускій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавоу
Еще шумить минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей
Надъ рубежами древнихъ становъ
Телеги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны,

И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

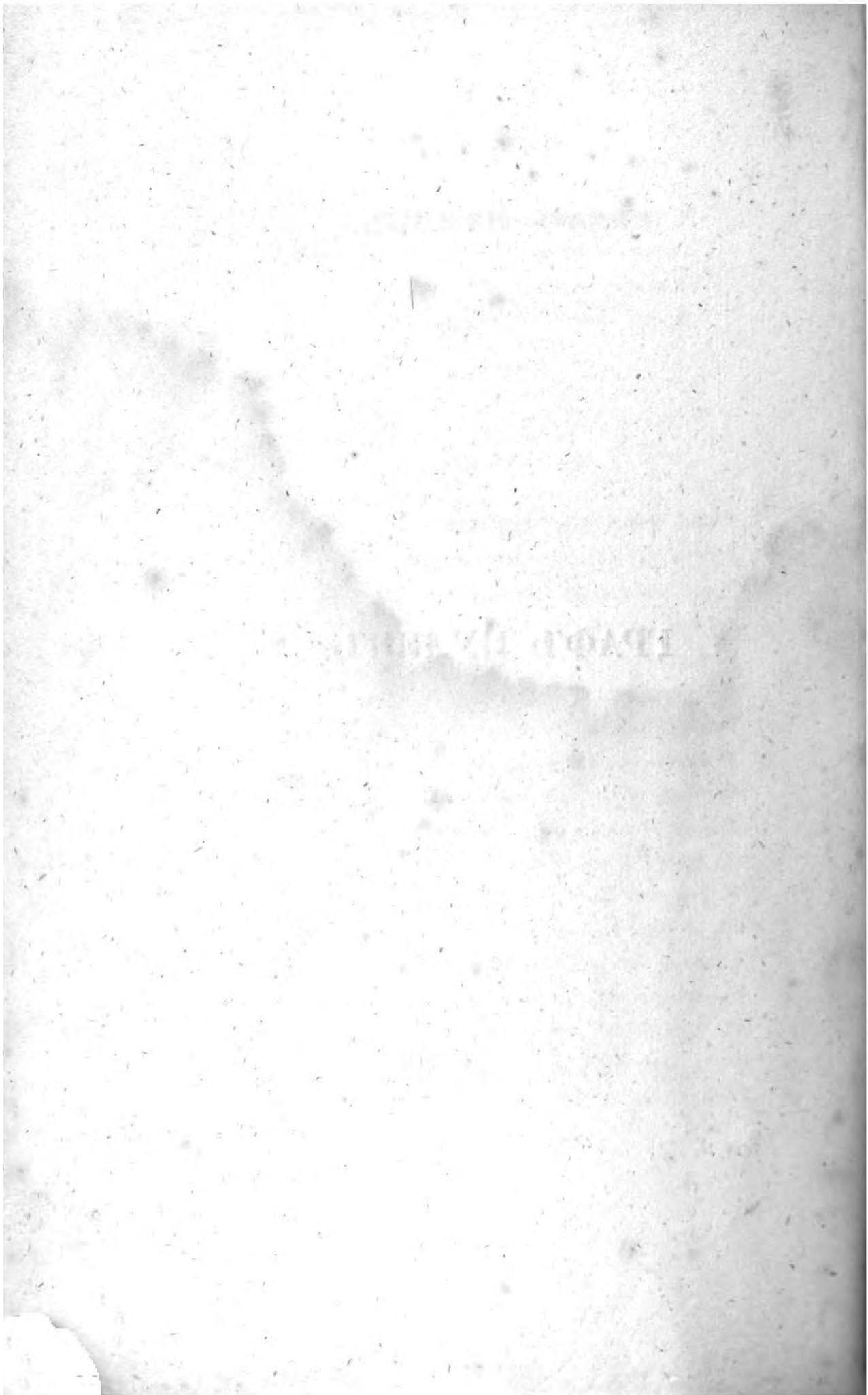
1934

1935

1936

1937

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзья прыгають на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня;
Онъ холку хватъ и въ стремя ногу,

Кричитъ женѣ: не жди меня!
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! не зная нѣгъ,
Въ отѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіе супруга?
Занятій мало ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть,
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!)
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы — мы будемъ называть

Наталья Павловна), къ несчастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль Переписка двухъ семей —
Романъ классическій, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Правоучительный и чинной,
Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ

Индѣйки съ крикомъ выступали
Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ итти хотѣлъ . . .
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
Товарищъ юности удалой? . . .
Ужъ не она ли? . . . Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй . . . и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
Бѣжить, обрадована звону,
Глядитъ и видитъ: за рѣкой
У мельницы колыска скачетъ,
Вотъ на мосту — къ нимъ точно . . . нѣтъ,
Поворотила влѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ и чуть не плачетъ.

Но вдругъ . . . о радость! косогоръ —
Коляска набокъ. Филька! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
Сейчасъ везти ее на дворъ
И барина просить обѣдать;
Да живъ ли онъ? . . . бѣги провѣдать!
Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжить.

Наталья Павловна спѣшитъ
Взбить пышный локонъ, шаль накинуть,
Задрнуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
И ждать: да скоро ль, мой Творецъ!
Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальной,
Опасно раненый, печальной
Кой-какъ тащится экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ!
Слуга-Французъ не унываетъ
И говоритъ: allons, courage!
Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
Покаместъ барину теперь
Покой особенный отводятъ
И настежь отворяютъ дверь,
Пока Ricard шумить, хлопочетъ,
И баринъ о, ѣваться хочетъ;
Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
Графъ Нулицъ, изъ чужихъ краевъ,

Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,
Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадю злыхъ карриатуръ,
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
Съ bons-mots Парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
Съ мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
Дверь отворилась, входитъ графъ;
Наталя Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ: ничего.
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ
И начинаетъ разговоръ:
Святую Русь бранить; дивится,

Какъ можно жить въ ея снѣгахъ;
Жалѣть о Парижѣ страхъ.
«А что театръ?» — О, сиротѣть!
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣть,
И мамзель Марсъ, увы! старѣть.
За то Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Донынѣ поддержалъ одинъ. —
«Какой писатель нынче въ модѣ?»
— Все d'Argincourt и Ламартинъ. —
«У насъ имъ также подражаютъ.»
— Нѣтъ! право? такъ у насъ умы
Ужъ развиваться начинаютъ.
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы! —
«Какъ тальи носятъ?» — Очень низко,
Почти до . . . вотъ по этихъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ;
Такъ . . . рюши, банты, здѣсь узоръ:
Все это къ модѣ очень близко. —
«Мы получаемъ Телеграфъ.»
— Ага! хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И графъ
Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушать.»
— Я сытъ. — «И такъ . . .»

Изъ-за стола

Встаютъ. Хозяйка молодая

Черезвычайно весела;
Графъ, о Парижѣ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно,
То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
Глядитъ — и полночь вдругъ на дворъ:
Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугуницу доску сторожъ бьетъ;
Въ гостиной свѣчки догорѣли.
Наталя Павловна встаетъ:
Пора, прощайте! ждуть постели.
Приятный сонъ! . . . Съ досадой вставъ,
Полувлюбленный, нѣжный графъ
Цалуетъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — прости ей, Боже! —
Тихонько графу руку жметъ.

Наталя Павловна раздѣта;
Стоитъ Параша передъ ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переносить,
Изношенныхъ капотовъ просить,

Порою барица смѣшить,
Порой на барица кричить,
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуеть важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей наконецъ
Сказала: полно, надоѣла!
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
Ложится онъ, сигару просить,
Monsieur Ricard ему приноситъ
Графинь, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлечень:
Неугомонная забота
Его тревожить; мыслить онъ:
Не ужто вправду я влюбленъ?

Что если можно? ... вотъ забавно;
Однако жъ это было бѣ славно!
И, кажется, хозяйкѣ миль —
И Нулинъ, свѣчку погасилъ.

Песносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ
И дразнить грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкой нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Приятный голосъ, прямо женскій,
Лице, румянецъ деревенскій —
Здоровье краше всѣхъ румянъ.
Онъ помнить кончикъ ложки нѣжной,
Онъ помнить, точно, точно такъ,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ бы остаться съ нею,
Ловить минутную затыю.
Но время не ушло: теперь
Отворена конечно дверь —
И тотчасъ, на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,

Къ Лукреціи Тарквиніи новый
Отправился на все готовый.

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полужамурясь подстунаеть,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Разинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
Дорогу ощупью находить;
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводить;
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
Къ завѣтной двери, и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка;
Дверь тихо, тихо уступаетъ,
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.
Онъ входитъ, ищетъ, отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.

Она . . . Теперь, съ ихъ позволенья
Прошу я Петербургскихъ дамъ
Представить ужась пробужденья
Натали Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа — нашъ герой
Ей сыплетъ чувства выписныя,
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся . . .
Но тутъ опомнилась она;
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордости полна,
А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
Она Тарквинію сразмаха
Даетъ пощечину, да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
Обиду проглотивъ такую;
Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Досадою страшною пылая,
Но шпиць косматый, вдругъ залая,
Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку
И проклиная свой ночлегъ

И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣниво,
Отдѣлкой розовыхъ ногтей
Зѣвая занялся небрежно,
И галстукъ вяжетъ неприлѣжно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.

Проказница младая,
Насмѣшливый потупя взоръ
И губки алыя кусая,
Заводитъ скромно разговоръ
О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.

Получаса не проходило,
 Ужь онъ и шутить очень мило
 И чуть ли снова не влюбленъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
 «Наташа, здравствуй.»

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинъ. —

«Радъ сердечно я.

Какая скверная погода!
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ готовый экипажъ.
 Наташа! тамъ у огорода
 Мы затравили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать!
 — Не знаю, право, я спѣшу. —
 И, полно, графъ, я васъ прошу.
 Жена и я, гостямъ мы рады.
 Нѣтъ, графъ, остацтесь!»

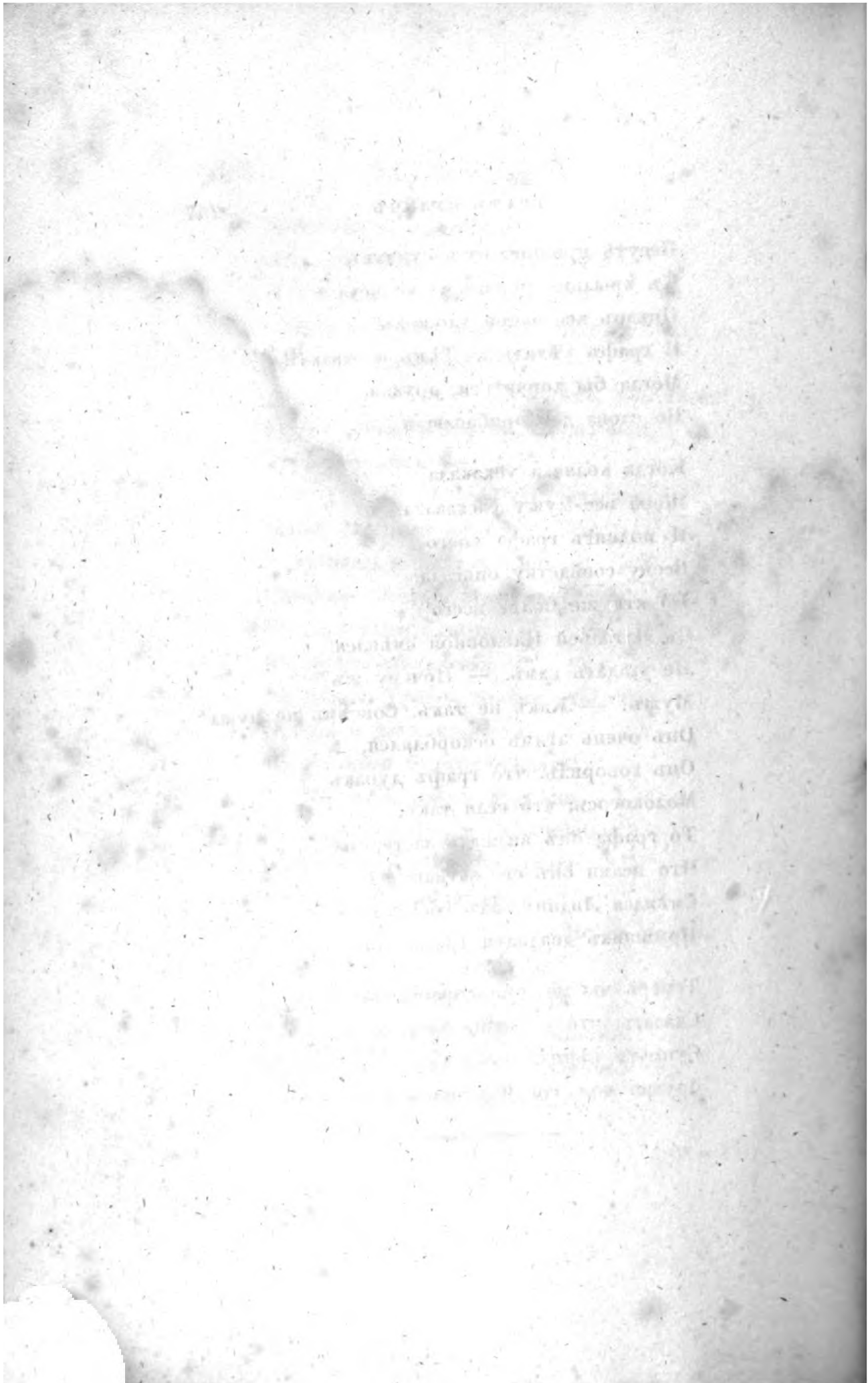
Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
 Упрямится печальный графъ.
 Ужь подкрѣпивъ себя стаканомъ,
 Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ.
 Уже къ коляскѣ двое слугъ

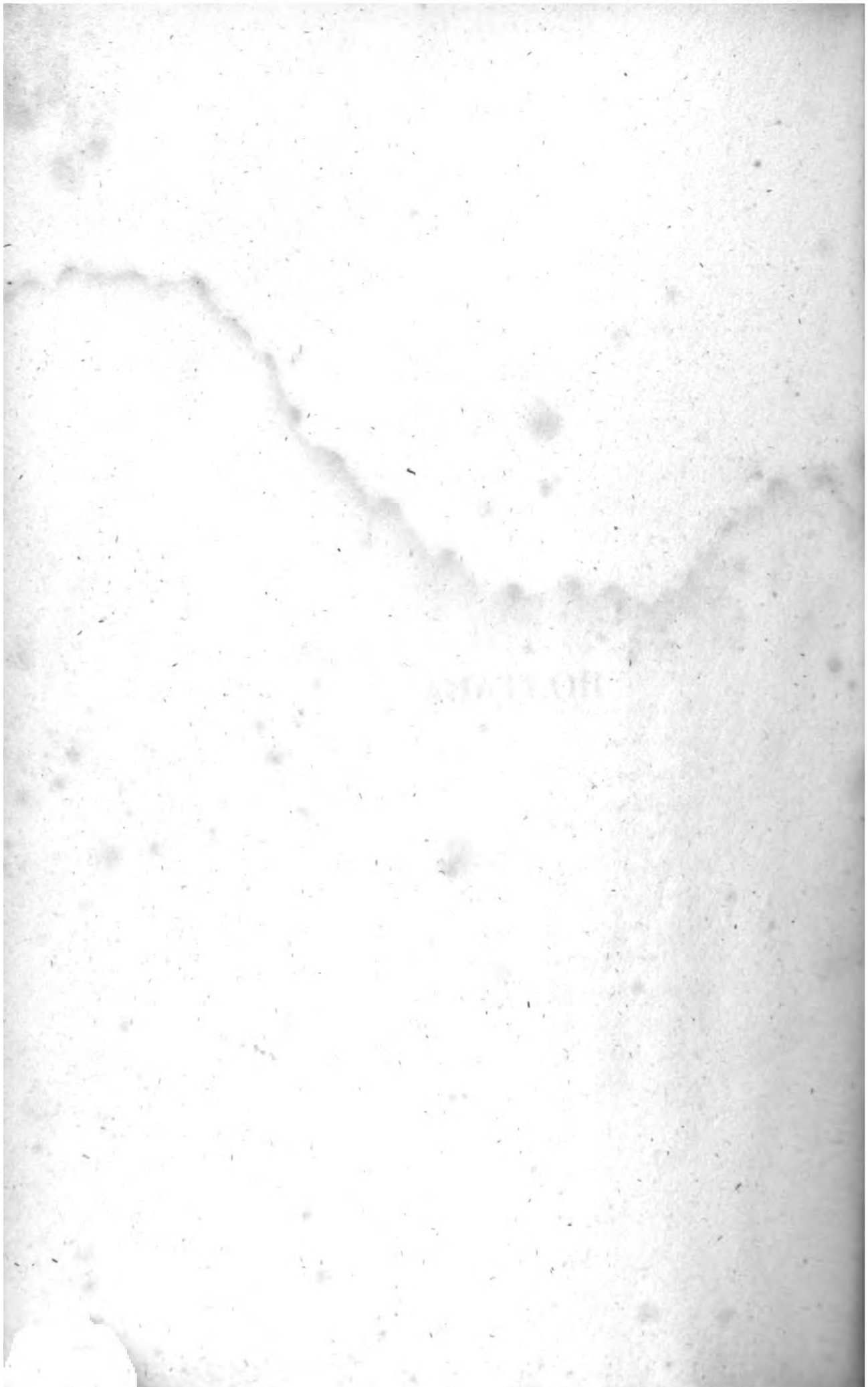
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ . . . Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала,
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся!
Не угадать вамъ. — Почему жъ?
Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокосось; что если такъ,
То графа онъ визжать заставить,
Что псами онъ его затравить.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

ПОЛТАВА.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

*Тебѣ — по голосу музы темной
Коснется ли уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ некогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?*

*Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнливой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Последній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

THE UNIVERSITY

OF THE STATE

OF CALIFORNIA

THE UNIVERSITY

OF THE STATE

OF CALIFORNIA

THE UNIVERSITY

OF THE STATE

OF CALIFORNIA

THE UNIVERSITY

OF THE STATE

OF CALIFORNIA

THE UNIVERSITY

OF THE STATE

OF CALIFORNIA

THE UNIVERSITY

OF THE STATE

OF CALIFORNIA

ПОЛТАВА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей ¹.
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора ²
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями ³,
Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами,

Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ
Взмелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ молодой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.

Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ⁴..

Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами:
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послышна тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ

Схвативъ ей руку, говорить:

«Безстыдный! старецъ нечестивый!

«Возможно ль? .. нѣтъ, пока мы живы,

«Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.

«Онъ, должный быть отцемъ и другомъ

«Невинной крестницы своей...

«Безумецъ, на закатѣ дней,

«Онъ вздумалъ быть ея супругомъ.»

Марія вздрогнула. Лицо

Покрыла блѣдность гробовая,

И охладѣвъ, какъ неживая,

Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова

Закрыла очи — и ни слова

Не говорить. Отецъ и мать

Ей сердце ищутъ успокоить,

Боязнь и горестъ разогнать,

Тревогу смутныхъ думъ устроить...

Напрасно. Цѣлые два дня,

То молча плача, то стени,

Марія не пила, не ѣла,

Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,

Не зная сна. На третій день

Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ

Она сокрылась. Лишь рыбахъ

Той ночью слышалъ конскій топоть,
Казачью рѣчь и женскій шопоть,
И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить,
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенъе красоты
Влагають страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя;
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой;
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой;
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томила тайно, воздыхала
И на привѣты жениховъ

Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь Гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ⁵,
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки⁶

Богатъ и знатенъ Кочубей.
Довольно у него друзей:
Свою омытъ онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмутить Полтаву;
Внезапно средъ его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить . . . но замысль иной
Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,

Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукъ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ неожиданный и кровавый
Задалъ ей Шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вънчанный славой бесполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая Русскія дружины,
Какъ вихорь гонить прахъ долины
И клонить пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ ⁷.

Украина глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,

Чтобъ Гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазены раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый Гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
Молвъ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

«Что жъ Гетманъ? юноши твердили:
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носить булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко ⁸,
Иль Самойловичъ молодой ⁹,
Иль нашъ Палѣй ¹⁰, иль Гордѣенко ¹¹
Владѣли силой войсковою;
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,

И Малороссіи печальной
Освободились ужь полки ^{12.}»

Такъ, своевоіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святѣя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ :
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замысль давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣтъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ свиду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.

Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливой
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глушомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умысль ужасный
Взмельяль тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
Скрежеща мыслить Кочубей,
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
Въ рукахъ Московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пирь, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полну наливаль,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ! . . .

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.

Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они.
Предъ Кочубеемъ Гетманъ скрытной
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ,
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему.
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубить
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубить —
Отмстить поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
«Въ безсильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;
Всему виновна дочь одна.
Но онъ и дочери прощаетъ:

Пусть Богу дать отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо и законъ»

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ ¹³:
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копить;
И гнѣва женскаго полна
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопить.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
Какъ вѣкій духъ, ему она
О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ,
И клятвы требуетъ — и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра ¹⁴ заодно.
И оба мыслятъ: «одолѣемъ —
Врага паденья рѣшено.
Но кто жъ, усердьемъ пламенья,
Ревнуя къ общему добру,

Донось на мощнаго злодѣя
Предубѣжденному Петру
Къ ногамъ положить не робѣя?»

Между Полтавскихъ казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни Украинскихъ черешень,
Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бѣ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи; изъ ихъ рядовъ
Уныль и сирѣ онъ удамился.
Когда же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И беспощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила —
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хотя случайно

Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неустомимой
Бѣжить въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держать путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блещитъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжить, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ потѣха молодца,
Ретивый конь потѣха тоже —
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только сбою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя между тѣмъ,
Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ.
Съ нимъ полномощный Езуитъ ¹⁵
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткѣй тронъ ему сулить.
Во тмѣ ночной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры;
Измѣну цѣнять межъ собой,
Слагаютъ цифрѣ универсаловъ ¹⁶,
Торгуютъ Царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходить,
И Орликъ ¹⁷, Гетмановъ дѣлецъ,
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ на Дону казачьи круги
Они съ Булавинымъ ¹⁸ мутятъ;
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу;
Тамъ за порогами Днѣпра

Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
И письма шлетъ изъ края въ край:
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова Паша,
Во станѣ Карлъ и Царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовить свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ незапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи Рускіе ¹⁹ послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали!
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ Царь Іуду утѣшалъ

И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщаль!

Мазепа, въ горести притворной,
Къ Царю возноситъ гласъ покорной.
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
«Онъ бѣдный Гетманъ двадцать лѣтъ
«Царю служилъ душою вѣрной;
«Его щедротою безмѣрной
«Осыпанъ, дивно вознесенъ
«О, какъ слѣпа, безумна злоба!
«Ему ль теперь у двери гроба
«Начать ученіе измѣнъ
«И потемнять благу ю славу?
«Не онъ ли помощь Станиславу ²⁰
«Съ негодоваемъ отказаль,
«Стыдись, отвергъ вѣнецъ Украины,
«И договоръ и письма тайны
«Къ Царю, по долгу, отослаль?
«Не онъ ли наущеньямъ Хана ²¹
«И Цареградскаго Салтана
«Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
«Съ врагами бѣлаго Царя
«Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
«Трудовъ и жизни не жалѣль,
«И нынѣ злобный недругъ смѣль
«Его сѣдины опозорить!

«И кто же? Искра, Кочубей!
«Такъ долго бывъ его друзьями!...»
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуютъ злодѣй²²...

Чьей казни? ... старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говорить: «въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точить на себя топоръ.
Куда бѣжить, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупить.
Любовникъ Гетману уступить,
Не то — моя прольется кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
Краса Черкаскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какаго змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой-же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной

Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла;
Соблазномъ посланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старикъ заморозилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ горда —
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи

Что стыдъ Маріи? что молва?
Что для нея мірскія пѣни,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,

Когда съ ней Гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И мнитса, пѣнямъ ихъ внимаетъ . . .
О, если бѣ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

ПЬСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами,
Марія нѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ.
Напрасно: черныхъ помышлений
Ея любовь не удалить.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говорить съ негодованьемъ:

«Послушай, Гетманъ: для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметъ:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое.
Но ни о чемъ я не жалю —
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь?»

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты.
Оставь безумныя мечты:
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, развѣздахъ — я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,

Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть: узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ.
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ.

Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора :
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все : въ переговорахъ
Со мною оба Короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю :
Княгиня Дульская и съ ней
Мой Езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ;
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма Королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІЯ.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанеть
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,

Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха —
Ты такъ могущъ! О знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха? . . .

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,

Кѣ чему вопросъ такой? тревожить
Меня напрасно онъ. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,

(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцемъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ? отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бѣ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого бѣ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРИН.

Ты блѣдень; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;

Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмоць
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопоть и смятенье.
Въ одной изъ башень, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.

Дрема долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вестъ,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья;
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему! . . .

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ

Мой вождь подь знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаеть инаго:
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ: отвѣчай

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже: ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья

Панъ Гетманъ требуетъ.

Кочубей.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,

Что вы хотѣли. Показанья

Мои всѣ ложны. Я лукавъ,

Я строю козни. Гетманъ правъ.

Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,

Что ты несчетно былъ богатъ;

Мы знаемъ: не единый кладъ

Тобой въ Диканькѣ ²⁵ укрываемъ.

Свершиться казнь твоя должна;

Твое имѣнiе сполна

Въ казну поступитъ войсковую —

Таковъ законъ. Я указую

Тебѣ послѣднiй долгъ: открой,

Гдѣ клады скрыты тобою?

Кочубей.

Такъ; не ошиблись вы: три клада

Въ сей жизни были мнѣ отрада.

И первый кладъ мой честь была,

Кладъ этотъ пытка отняла;

Другой былъ кладъ невозвратимый,

Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую мечь.
Ее готовлюсь Богу снестъ.

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спрятавъ деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!

Окончишь ли допросъ нелѣпой?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считатьъ;
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все расскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачь!²⁴

Палачь вошелъ

О, ночь мученій!

Но гдѣ же Гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызений
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы молодой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умреть безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль Гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клеветъ
Умрутъ.» Но брось взоръ на ложе,

Мазепа думаетъ: «о Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ —
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Съкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украинѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ! . . .
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены;
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лапъ.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань . . .
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ старцу мрачному — и что же?
Какой готовлю ей ударъ! —»
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;

А завтра, завтра . . . Содрогаюсь
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и тихо пробираясь
Въ уединенный сходить садъ.

Тиха Украинская ночь.
Позрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьбы, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ . . . слабый крикъ . . . невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачь совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,

И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовала — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ . . . и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины роцъ и волны рѣкъ.
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
Дремой объята, и слышитъ
Сквозь легкой сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась — но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
Мазепа, ты? . . . Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ . . . о Боже!
Вздвогнувъ, она глядитъ . . . и что же?
Предъ нею мать . . .

МАТЬ.

Молчи, молчи;

Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной
Свирѣństwo ихъ смягчить возможно.
Спаси отца.

Дочь, въ ужасъ.

Какой отецъ?

Какая казнь?

МАТЬ.

Иль ты донинѣ

Не знаешь?.. нѣтъ! ты не въ пустынь,
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила Гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ Государь ему внимаетъ —
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ —
Другъ другу, вижу, мы чужія.
Опомнись: дочь моя! Марія,
Бѣги, пади къ его ногамъ,

Спаси отца, будь ангель намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвести.
Рвись, требуй — Гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога.

Дочь.

Что со мною?

Отецъ . . . Мазепа . . . казнь — съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя —
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

Мать.

Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.
Уже ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на Гетмана донесъ —
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы,
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ Громадой войсковою,
Когда его не осѣнить

Десница выпня Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь покамѣсть онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

Дочь.

Боже, Боже! . . .

Сегодня! — бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки⁵,
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помость.
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутить съ чернѣю веселой.
Въ гремячій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропоть.
Вдругъ восклицанье раздалось
И смолкло все. Лишь конскій топоть

Быль слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гетманъ съ старшинами
Скакаль на ворономъ конѣ.
А тамъ по Кіевской дорогѣ
Телега ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣль безвинный Кочубей;
Съ нимъ, Искра, тихій равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробъ тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ сразмаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И сердцемъ радуясь во злобѣ

Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуеть межъ собой.
Пустьветъ поле понемногу.

Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,

Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили полныя боязни.

Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.

Тамъ роковой намость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ поць,

И на телегу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозень, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;

Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой прѣхавъ, что Марія?
Спросилъ Мазена. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе . . .
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ :
Свѣтлица тихая пуста
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродить;
Но вокругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
Ушла! — Зоветь онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
Раздался дикій кликъ погони
Верхомъ — и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія.
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазена молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядъ нося,
Въ свѣтлицѣ Гетманъ заперся.
Близъ ложа тамъ во мракѣ ночи

Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
Нездѣшной мукою томимъ.
Поутру, посланные слуги
Одинъ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, растеряно, избито;
Но ни одинъ ему принести
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная молитъ исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковами
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бранный мѣръ оставить;

Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ Архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины:
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течеть.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ, вражескихъ могилъ
Готовя Шведамъ тризну тайну.
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украину.

И день насталь. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилой,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ — и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжело жизнью старой,
Такъ оный хитрый Кардиналь,
Вѣнчавшись Римскою тиарой,
И прямъ, и здоровъ, и молодъ сталъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украина смутно зашумѣла.
«Онъ перешель, онъ пзмѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ

Негодованье, гнѣвъ Царя ^{26?}
Гремитъ анаема въ Соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ кать ^{27.}
На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другаго Гетмана творятъ.
Съ береговъ пустынныхъ Енисей
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ.
Онъ ихъ лаская осыпаетъ
И новой честью и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украину ѣдетъ въ Царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
На плахѣ гибнетъ Чечель ²³ смѣлой
И запорожскій Атаманъ;
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,

Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣль наконецъ.

И Царь туда жь помчалъ дружины.
Онъ какъ буря притекли —
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Неразъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлой,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И злобясь видитъ Карль могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастливыхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
Глубокой сонъ во станѣ Шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы некстати:
Расчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.

Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? Даль я промахъ важной:
Ошибся въ этомъ Карлъ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать ²⁹,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ ³⁰;
Не хуже Рускаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить какъ нынче казака
И обмѣнять на рану рану ³¹;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣтся онъ судьбу
Принудить хочеть барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣрять;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прощлымъ только мѣрять —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Быль ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ
Какъ два робкая.»

ОРЛИКЪ.

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Рускому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье

Хранить онъ будетъ доконца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшить заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Рускаго Царя.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные птыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею

Ея стремленія крѣпить.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинается намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розень сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Напъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь
Дрожить. Глазами косо водить
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчить музыка боевая.
На холмахъ пушки присмирѣвъ
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ пелись толпой
Сии птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,

Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карль явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье . . .
Вдругъ слабымъ маниемъ руки
На Рускихъ двинуль онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянуль бой, Полтавскій бой!
Въ огнь, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Падъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгають, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Рускій — колетъ, рубить, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.

Громъ пушекъ, топоть, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И втишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержавъ казаками
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одрахъ въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старець обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на Гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился,
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Быль мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близко, близко мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ ³²;
И слѣдомъ конница пустилась,

Убийствомъ тупятся мечи,
И падшимъ вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордь и ясенъ
И славы полонъ взоръ его.
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатръ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ Полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Иуда въ страхъ?
Зачѣмъ Король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ³³?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и Гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ!
Опасность близкая и злоба

Даруютъ силу Королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, Рускими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Стеней широкой полукругъ,
Съ нимъ старый Гетманъ скачетъ рядомъ;
Предъ ними хуторъ . . . Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ заустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой нибудь расказъ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узналъ ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутилъ бывало за столомъ?
Узналъ ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангель обиталъ,

И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь . . . Узналь, узналь!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегъ синяго Днѣпра,
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя:
Уронъ Полтавы онъ забылъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ:
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ какъ подъ топоромъ . . .
Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена . . .
«Иль это сонъ? . . . Марія . . . ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ! . . . Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли . . .
Постой . . . услышать могутъ насъ.

МАЗЕНА.

Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже! . . . Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай: хитрости какія!
Что за расказъ у нихъ смѣшной?
Она затайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Съдую голову — Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья — видишь: какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно ль?

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.
Но, вихрю мыслей предана,
Однако жъ, говорить она,
Я помню поле . . . праздникъ шумной . . .
И чернь . . . и мертвыя тѣла . . .
На праздникъ мать меня вела . . .

Но гдѣ жъ ты былъ? . . . Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй . . . ужь поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у берега Днѣпра
Коней разсѣданныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ.»
Но Гетманъ ужь не спитъ давно.

Тоска, тоска его сѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ Королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилий, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ —
Останки разоренной сѣни,
Три углубленные въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,

Турецкой рати приступъ шумной,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы Гетманской могилы:
Забить Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей свитынь
Разъ въ годъ анаемой доньшъ,
Гроза, гремитъ о немъ Соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно Церковь приютила ³⁴.
Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями посаженныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Доньшъ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница . . . преданья
Объ ней молчать. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни Гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говорить.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Василій Леонтьевичъ Кочубей, Генеральный Судія, одинъ изъ предковъ Графовъ Кочубеевъ, нынѣшнихъ Князей.
2. *Хуторъ* — загородный домъ.
3. У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.
4. Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.
5. Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донинѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патриотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.
6. Бунчукъ и булава — знаки Гетманскаго достоинства.
7. Смотр. *Мазепу* Байрона.
8. Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.

9. Григорій Самойловичъ, сынъ Гетмана, сосланный въ Сибирь въ началъ Царствованія Петра I.
10. Симеонъ Палый, Хвостовскій Полковникъ, славный наездникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палый, какъ законный врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.
11. Костя Гордѣнко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи переданъ Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.
12. 20,000 казаковъ было послано въ Лифляндію.
13. Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *горда и высокоумна*.
14. Искра, Полтавскій Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.
15. Езуитъ Зеленской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарскій Архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.
16. Такъ назывались манифесты Гетмановъ.
17. Филиппъ Орликъ, Генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII пустой титулъ Малороссійскаго Гетмана. Въ послѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1726 года.
18. *Булавинъ*, Донской казакъ, бунтовавшій около того времени.
19. Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справед-

- ливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.
20. Въ 1705 году. Смотр. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б. Каменскаго.
21. Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.
22. Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старцами, а Графа Головкина съ Пророкомъ Данииломъ.
23. Деревня Кочубей.
24. Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.
25. Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи Гетмановъ.
26. Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быстротой и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи.

«1708 Ноября 7-го числа, по Указу Государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали въ Гетманы Полковника Стародубскаго Ив. Скоропадскаго.

«8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій Архіепископы.

«А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные Архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ,

взявъ и прищипя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсилъ.

«Въ Глуховѣ же 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ . . .» (*Журналъ Петра Великаго*).

27. Малороссійское слово. Поруски палачъ.

28. Чечель отчаянно защищалъ Батурингъ противъ войскъ Кн. Меншикова.

29. Въ Дрезденѣ къ Королю Августу. Смотр. *Voltaire Hist. de Charles XII.*

30. Ахъ, В. В.! бомба! . . . — «Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? иши.» Это случилось гораздо послѣ.

31. Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

32. Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ Кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо (сказано въ Жур. Петра Вел.) непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* Петръ въ послѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Кн. Меншиковымъ.

33. L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

.....

... . Alors prenant un verre de vin: à la santé, dit-il, de mes maitres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs, les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maitres.

34. Обезглавленные тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ естествомъ положены сущи,
 Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
 Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
 И за правду и вѣрность къ Монарсъ нашу,
 Страданія и смерти испыймо чашу,
 Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
 Посѣченны заставше топоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семь мѣсть Матери Владычнѣ,
 Подающія есмь своимъ рабомъ животь вѣчный.»

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, Судія Генеральный; Іоаннъ Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же тѣла ихъ Іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семь мѣсть погребены.»

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пушусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ *** богомольной,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему? скажите, ужъ и такъ мы голы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую статью,
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги
И по три врьдъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выйдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, впухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ съ кѣмъ же равенъ онъ?
Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

VI.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или *пустить на пе?*
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе, стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хотъ лежу теперь на канапе,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телегѣ.

VII.

Что за бѣда? не все жъ гулять пѣшкомъ
По Невскому граниту, иль на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской. Поцелусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Исохъ. Порося крапивою Парнасъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

IX.

Усядѣся, муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! не вертись, рѣзвухка!
Теперь начнемъ. — Жила-была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

X.

Дня три тому, тогда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ:
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построень трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XI.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ;
То моему бѣ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Станнымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходить намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править
И держитъ мысль на привязи своей,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давить
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ . . . Я воды Леты пью,
Мнѣ докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Рембранда такіа лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови — темныя какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XIV.

Играть умѣла также на гитарѣ
И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ*
И *Виду ль я* —, и то — что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ,
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныла Русская дѣвица,
Какъ музы нашей грустная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ.
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плести;
Всѣмъ домою правила одна Параша;
Поручено ей было счеты вести,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала нести
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XVII.

Старушка-мать, бывало, подь окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ дѣ ночи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
(Безъ этого ни одного романа
Не обойдется: такъ заведено!).
Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
А дочка — на луну еще смотрѣла

XIX.

И слушала мяуканье котовъ.
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
И только. Ночь надъ мирною Коломною
Тиха отмѣнно. Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У клироса налѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня . . . (звали какъ, не помню право)
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)
Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалось, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилѣжно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно;
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеаль
Тщеславія. Его бѣ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ . . . Въ нихъ-то я вникалъ,
Невольный взоръ они-то привлекали
Но это знать Графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXIV.

Она страдала, хотъ была прекрасна
И молода, хотъ жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хотъ была подвластна
Фортуна ей; хотъ мода ей несла
Свой оиміамъ — она была несчастна.
Блаженнѣ стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса змѣй на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣю кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы —
Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
Все жъ ѣздили гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душею холодна? увидимъ ниже.
Покаместъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о Дворѣ (хотъ при Дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И укусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домъ, всѣхъ же болѣ
Коть Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не долъ —
Жить можно безъ кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — Я! —
— «Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ ли. Дешевья такъ рѣдки.» —

XXIX.

«Узнаю, маменька. — И вышла вонъ,
Закутавшись. (Зима стояла грозно,
И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно.)
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: — «Вотъ я кухарку привела.»

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выходя,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголь, фартукъ разбирая.
— «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно,
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
— «А какъ зовутъ?» — А Маврой — «Ну, Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Оеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моею,
Усердна будь; присчитывать не смѣй.» —

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переварить,
То пережарить, то съ посудой полку
Уронить; вѣчно все пересолить,
Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ — она себѣ молчитъ;
Вездѣ во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ.
Параша бьется: а никакъ не сладитъ.

XXXIII.

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь —
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашель испугъ.

XXXIV.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старушка обмирала
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XXXV.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно.» Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось какъ передъ бѣдой,
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой!
Вошла — и что жъ? о Боже! страхъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцомъ Параша, чинно сядя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шленулась. Ее увидя,
Та второпяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
— «Что, маменька?» — Ахъ, Пашенька моя!
Маврушка... — «Что, что съ ней?» — «Кухарка наша..
Опомниться досель не въ силахъ я....
За зеркальцомъ... вся въ мыль...» — Воля ваша,
Мнѣ право ничего понять нельзя;
Да гдѣ жъ Мавруша?» — «Ахъ, она разбойникъ!
Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!» —

XXXVIII.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ;
Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю: и кончить тороплюсь.

XXXIX.

— Какъ развѣ все тутъ? шутите. — «Ей Богу.»
— Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвальбою шли?
Завидную жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ ли хоть у васъ правоученья?»
«Нѣтъ . . . или есть: минуточку терпѣнья. . . .»

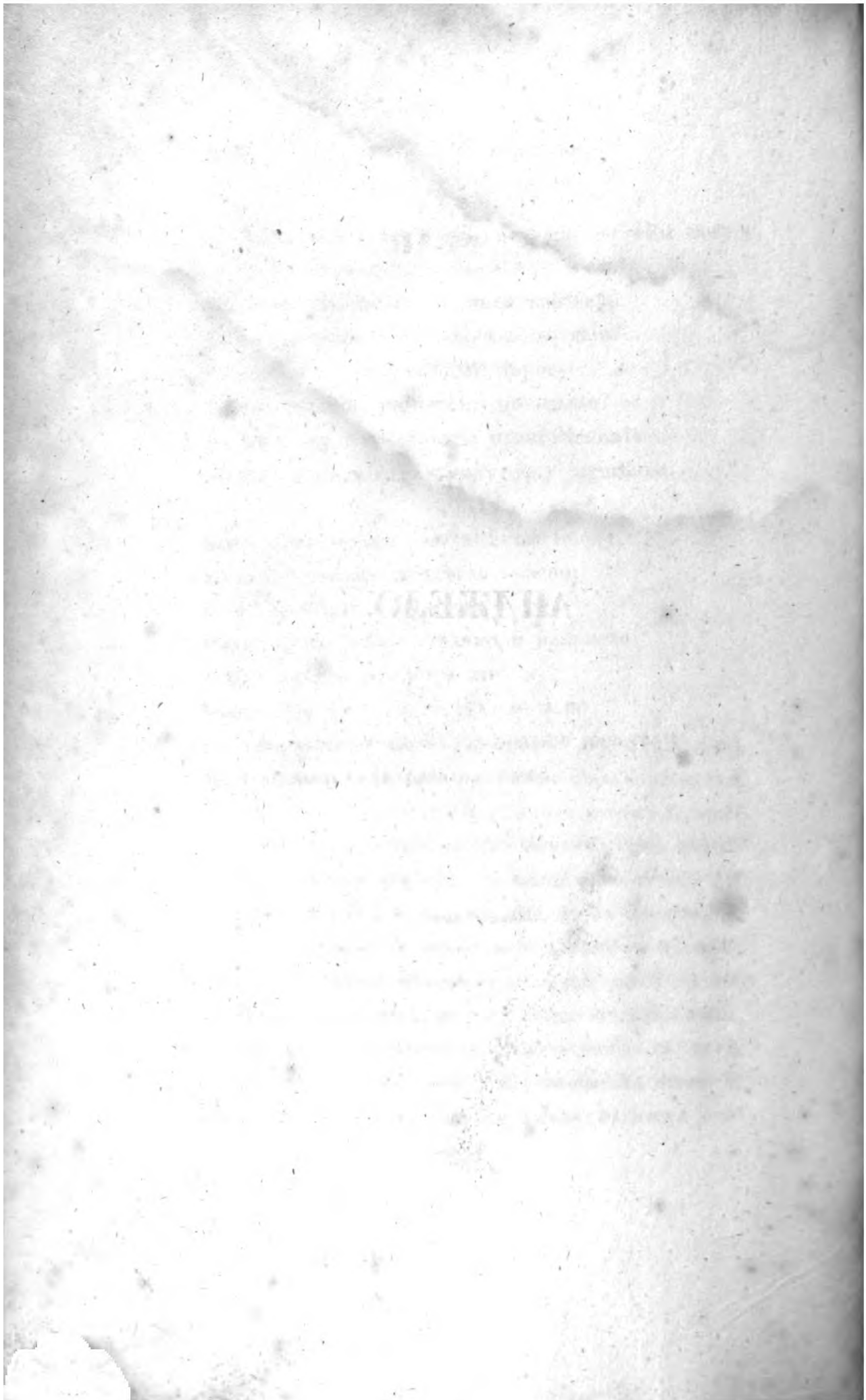
XL.

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку страшно и напрасно:
Когда нибудь придется же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской Больше ничего
Не выжмешь изъ рассказа моего.

АНДЖЕЛО.

From Shakespeare

АНДЖЕЛО.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

—

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италиі счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судѣ его дремалъ карающій законъ
Какъ дрыхлый звѣрь уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,

Что трудъ кормилицы ребенокъ ужъ кусаль,
Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкаль.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
По какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
И странно было бы, тому-же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободряль.
Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣль и размышляль.
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ навремя
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученѣ и постѣ,
За правы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградой законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.

А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, incognito одинъ
Пустился странствовать какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
Законы поднялись, хватая въ когти зло;
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить : хе! хе! да этотъ ужъ не тотъ.

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
Жестокій былъ одинъ : законъ сей изрекалъ
Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
Сурово говоря помощникамъ своимъ :
«Пора намъ зло путнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобразились привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтренно надъ бездною скользила :
И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой.
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
Джюльету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,
И къ таинствамъ любви безбрачной преклонить.
Но ихъ послѣдствія къ несчастью явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
Съ поникшей головой обратно шель въ тюрьму,
Невольно каждому внушая сожалѣнье
И горько сѣтуя. Навстрѣчу вдругъ ему
Попался Луціо, гуляка беззаботный,
Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотный.
Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи :
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть итти; чтобъ успѣшила
Она спасти меня, друзей бы упросила,
Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.

Въ ней много, Луціо, искусства и ума;
 Богъ далъ ей рѣчамъ увѣрчивость и сладость;
 Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей. — Изволь! поговорю,
 Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла.
 Постричься черезъ день она должна была
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
 — Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
 Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ),
 Нельзя ли доложить прекрасной Изабелѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ей несчастный братъ?»
 «Несчастный?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра.» — Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ.—«За что?»—За то, за что бы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему инаго наказанья. —
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жесткія своею наготою
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой;

Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
 Она чиста была душею какъ эфирь:
 Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суетой и праздными рѣчами.)
 Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
 Васъ братецъ. — «Боже мой, дѣвица отвѣчала,
 Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала! . . .
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ. . . .»
 Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
 Насъ неудачею предатели стращаютъ,
 И благо вѣрное достать не допускаютъ.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною, и просить и рыдаетъ,
 Какъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ. —

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
 Съ усерднымъ Луціо къ вельможѣ поспѣшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего Намѣстника молила.
 Дѣвица, отвѣчалъ суровый человѣкъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть. Заплакавъ Изабела
 Склонилась передъ нимъ и прочь итти хотѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ.

«Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ,
Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
Не отставайте же! еще!»

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя закона.
«Повѣрь мнѣ, говорить, ни царская корона,
Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ суди,
Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облечень,
А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть какъ онъ,
Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
«Оставь меня, прошу,» сказалъ онъ тихо ей.
Но дѣва скромная и жарче и смѣльй
Была часъ отъ часу. — Помилуй, говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила

Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ
 Безъ милосердія, скажи: что было бъ съ нами?
 Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
 И милость нѣжная твоими дхнеть устами,
 И новый человекъ ты будешь.

XII.

Онъ въ отвѣтъ:

«Поди; твои мольбы пустая словъ утрата.
 Не я, законъ казнить. Спасти нельзя мнѣ брата,
 И завтра онъ умретъ.»

Изабелла.

Какъ завтра! что? нѣтъ, нѣтъ.
 Онъ не готовъ еще . . . подумай, въ самомъ дѣлѣ:
 Ты знаешь, государь, несчастный осужденъ
 За преступленіе, которое доселѣ
 Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

Анджело.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленѣ;,
 Теперь проснулся онъ.

Изабелла.

Будь милостивъ!

Анджело.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленіе:
 Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Уже ль душа твоя
Совсѣмъ безвинная? спросись у ней: ужели
И мысли грѣшныя въ ней отроду не тѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь итти хотѣлъ. Она: «Посгой, посгой!
Послушай, воротись! Великими дарами
Я задарю тебя прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Предъ утренней зарей въ полунощной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
Въ уединеніи умершихъ ужь для міра,
Живыхъ для Господа.»

Смущенъ и присмирѣвъ,
Онъ ей свиданіе назавтра назначаетъ
И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджедо, безмолвный и угрюмой,
Сидѣль, уединясь, объять одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронуль сонъ
Усталыхъ вѣждь его. «Что жь это, мыслить онь,
Уже ль ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? По ней грустить умильно
Душа Или когда святаго уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манить онь на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отроду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человекъ досель мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!»

II.

Разъяснить, молиться хочет онъ;
Но мыслить, молится развѣнно. Словами
Онъ небу говорить, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ унынье погружень,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига
Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народъ безмысленно дивился,
Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ.....

.....

Поутру къ Анжелло явилась Изабела
И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

Анжелло.

Что скажешь?

Изабела.

Волю я твою пришла узнать.

Анжелло.

Ахъ, если бы се могла ты угадать!...

Твой братъ не долженъ жить... а могъ бы.

ИЗАБЕЛА.

Почему же
Простить нельзя его?

Анжелло.

Простить? что въ мірѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убійство легче.

ИЗАБЕЛА.

Да,
Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ, когда?

Анжелло.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположеніе:
Что если бѣ отдали тебѣ на разрѣшеніе
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛА.

Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.

Анжелло.

Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую дѣло въ томъ:
Братъ осужденъ на казнь; его спасти грѣхомъ
Не милосердіе ль?

ИЗАБЕЛА.

Предъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакого,

Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗАБЕЛА.

О пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станетъ!
(Коль это только грѣхъ.) О томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня:
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.
(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего.)
Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его,
(Наперстникъ суди, иль самъ по сану властный
Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный)

Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искусила
Своимъ паденіемъ; не то — рѣшить законъ.
Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗАБЕЛА.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умереть.

ИЗАБЕЛА.

Такъ что же?

Онъ лучший путь себѣ конечно избереть.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасеть.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

АНДЖЕЛО.

Зачто жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сейчасъ
Ты праведный законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗАБЕЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противорѣчила я, милое спасая,

И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ, женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗАБЕЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАБЕЛА.

Увы! что мнѣ сказать?

Джюльету братъ любилъ, и онъ умеръ несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗАБЕЛА.

Знаю: властный

Испытывать другихъ, ты хочешь...

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,

Отъ слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся честію!

ИЗАБЕЛА.

О много, много чести!

И дѣло честное! . . . Обманщикъ! Демонъ лести,

Сейчасъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу — и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.

Анджело.

И кто же станетъ вѣрить?

По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветою.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смиришь предъ волею моею;
Брось эти глупости: и слезы и моленья
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
Дозавтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Бсю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь открылась ей; и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣвяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвень онъ сидѣлъ, и съ нимъ въ плащѣ широкомъ
Подъ чернымъ куколемъ съ Распятіемъ въ рукахъ
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джульетой занимался.
Отшельница вошла: миръ вамъ! — Очнулся онъ,
И смотритъ на сестру, мгновенно оживлень.
Отецъ мой, говоритъ монаху Изабела,
Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

Клавдіо.

Что жь, милая сестра,
Что скажешь?

Изабела.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

Клавдіо.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛА.

НѢТЬ, иль развѣ поплатиться
Душей за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛА.

Такъ, есть. Тымогъ быжить. Судьяготовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛА.

Тюрьма — хотъ безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, чтожь это?

ИЗАБЕЛА.

Другъ сердечной,
Братъ милый! Я боюсь . . . Послушай, милый братъ:
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? мигъ. И много ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?

Или итти на смерть во мнѣ не станетъ силы?

Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль долженъ умереть; и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

ИЗАБЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю;
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокой,
Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь,
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь —
Самъ демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАБЕЛА.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человекъ! . . .
Знай: если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗАБЕЛА.

На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

Клавдіо.

Нейди, сестра.

Изабела.

Братъ милой!

Богъ видитъ: ежели одной моею могилой
Могла бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала бь болѣе иголки дорожить
Я жизнью моею.

Клавдіо.

Благодарю, другъ милой!

Изабела.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

Клавдіо.

Да, такъ....и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!

Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ навѣкъ?

Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человекъ.

Ахъ, Изабела!

Изабела,

Что? что скажешь?

Клавдіо.

Смерть ужасна!

Изабела.

И стыдъ ужасенъ.

Клавдіо.

Такъ — однако жь.... умереть,

Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть,

Въ холодной тѣснотѣ . . . Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ.

.
.
.
.

ИЗАБЕЛА.

О Боже!

Клавдію.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинить.

ИЗАБЕЛА.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь! . . . Кровосмѣситель! нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя, чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То все таки бѣ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

Клавдіо.

Сестра постой, постой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживаль ея за платье. Изабела

Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,

И брата бѣднаго простила, и опять

Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старшій сей монахъ
Ни что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтой.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушавъ весь расказъ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,

Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
Я слышалъ все, сказалъ; ты похвалы достойна:
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь.
Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположенье
И далъ прощальное свое благословенье.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зеркало,
Желанья женскія навѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджео надменный,
Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
Душею нѣжною, печальной и смиренной,
Душей отверженной мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
Младой его жены молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшливо коря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
«Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
«Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
«Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предмѣстїи печально изнывая.
Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подь окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ ангель, Изабела
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома съ ней,
И часто утѣшать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
Къ палатамъ Анджело итти должна была,
Въ саду съ нимъ встрѣтиться подь каменной оградой
И наградить его условленной наградой.
Чуть внятнымъ шепотомъ, прощаяся, шепнуть
Лишь только то: *теперь о брать не забудь.*
Марьяна блѣдная сквозь слезы улыбалась,
Готовилась дрожа — и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ,
И сидя съ Клавдію, страдальца утѣшалъ.
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела.
Все шло какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла
Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
И мужа обманувъ. Денница занялась —
Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
Начальнику тюрьмы. Читають: что жъ? Намѣстникъ
Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ — представить
 Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
 И казнь остановилъ, а къ Анджело отправить
 Другую голову, велѣвъ обрить и снять
 Ее съ широкихъ плечъ разбойника морского,
 Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
 А самъ отправился, дабы вельможу злаго
 Столь гнусныя дѣла творящаго во тмѣ,
 Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно

О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
 Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
 Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчатъ
 Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
 Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
 Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
 Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
 И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
 И вдругъ раздался крикъ — и прямо въ ноги Дуку
 Дѣвица падаетъ. Помилуй, Государь!
 Ты щить невинности, ты милости алтарь,
 Помилуй! . . . Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
 И взоры дикіе на Изабелу мечетъ
 Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,

Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
Приговореннаго на смерть. Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла. . . .

Но обнаружа гнѣвъ

И долго скрытое въ душѣ негодованье:
Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!

VII.

У трона во дворецъ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ,
Затрепеталъ, челою поникнулъ и утихъ;
Все объяснилось, и правда изъ тумана
Возникла. Дукъ тогда: что, Анджело, скажи,
Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
Съ утрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: казни.
И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.

Иди, сказалъ властитель,

Да гибнетъ судія-торгашъ и обольститель.
Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила; ты мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
— Не я, но Анджело, смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ; но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища, и будешь ты награда

Супругу лучшему. — Мнѣ лучшаго ненадо.
Помилуй, Государь! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ человечеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый Изабела!
Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча.

Изабела

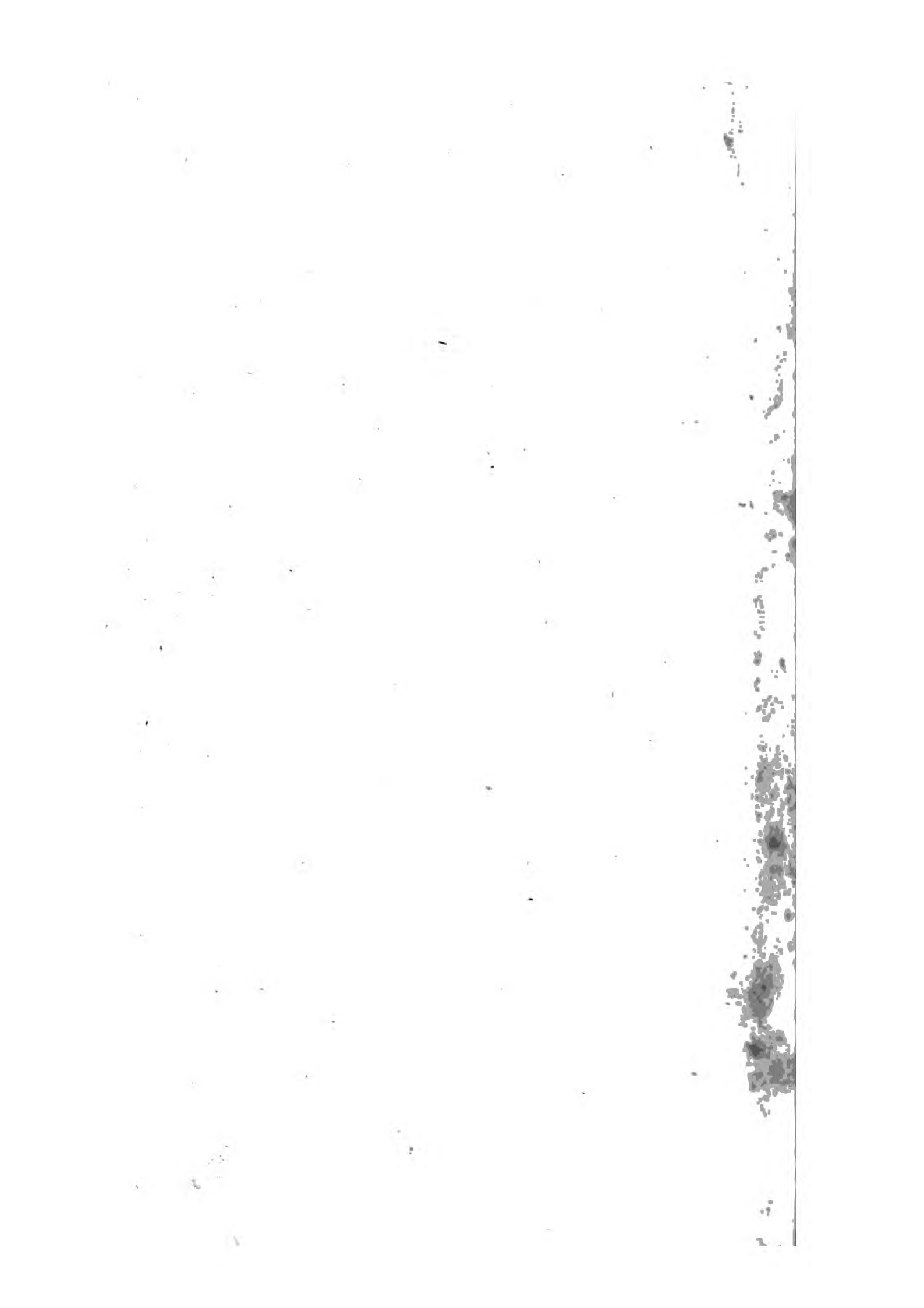
Душой о грѣшникѣ, какъ Ангель, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня,
«Помилуй, государь, сказала. За́ меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣсть на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!»

И Дукъ его простилъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

ПОЭМЫ И ПОВѢСТИ.

	<i>Стр.</i>
Русланъ и Людмила	1
Кавказскій Пѣвникъ	117
Бахчисарайскій Фонтанъ	157
Братья-Разбойники	191
Цыганы	203
Графъ Нулинъ	241
Полтава	259
Домикъ въ Коломнѣ	351
Анджело	347

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

2-

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

MDCCCXXXVIII.

T 34

Vertical line on the left side of the page.

783564

